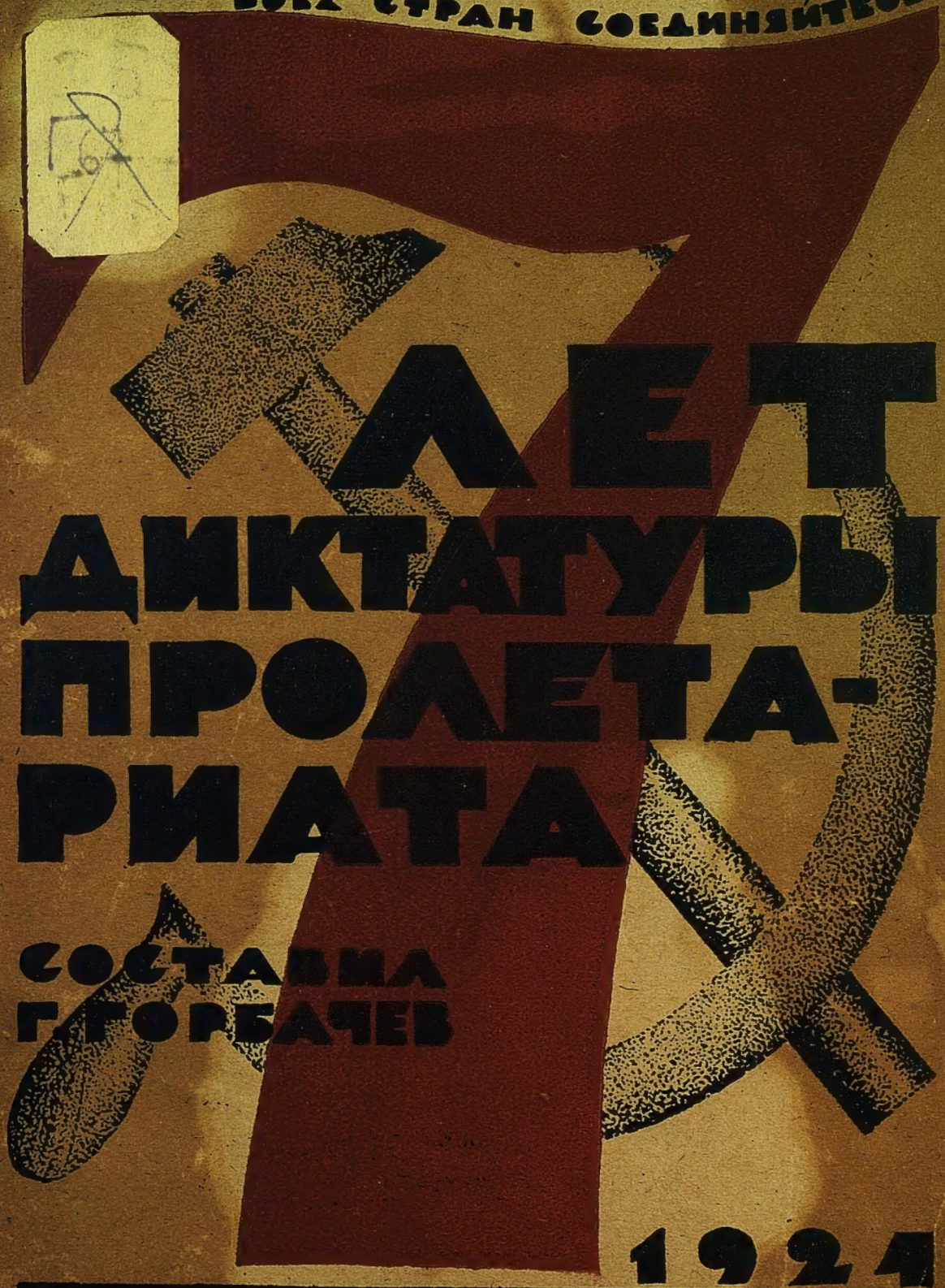
E43
247

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ



7 ЛЕТ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

СОСТАВИЛ Г. ГОРБАЧЕВ

1924

РАБОЧЕЕ ИЗД-ВО „ПРИБОЙ" ЛЕНИНГРАД

49745/8°

Е 43 / 247

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

323.2(47)„1917"

СЕМЬ ЛЕТ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ АГИТАТОРОВ

КО ДНЮ СЕМИЛЕТНЕЙ ГОДОВЩИНЫ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Составил Г. ГОРБАЧЕВ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ г.

БИБЛИОТЕКА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ
Инв № 49745/8°

266

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРИБОЙ»
ЛЕНИНГРАД :: 1924

Ленинградский Гублит № 15160 Печ. 10.000 экз. 6½ л Заказ № 80

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящая книжка имеет единственную цель: помочь товарищам, которым придется выступать с докладами о политической истории нашей страны и нашей партии за 7 лет, прошедших со дня Октябрьского переворота. Помощь эта должна состоять в том, что некоторые важные материалы, разбросанные по более чем десятку, хотя и легко доступных книг, собраны здесь в более или менее систематическом виде. Цели некоторой систематизации и об'единения элементарных фактических данных посвящена первая часть брошюры: хроника событий в жизни СССР и РКП за семь лет с напоминанием основных моментов политической и социальной эволюции страны и с приведением дат главнейших фактов истории этих лет. Вторая часть — подбор важнейших цитат из сочинений В. И. Ленина, цитат, характеризующих взгляды Владимира Ильича на основные проблемы строительства рабочего государства. В приложениях даны материалы по двум важнейшим вопросам нашей истории: статьи т.т. Зиновьева и Молотова, рисующие путь РКП, приведший ее не только через внешние трудности, но и внутренние трения к состоянию партии, начинающей поглощать в себе класс; второй ряд материалов представляет собою основные документы, характеризующие главные этапы союзных отношений пролетарской власти и крестьянства в эпоху диктатуры пролетариата. Второй ряд материалов (приложения III—VIII) представляет собою большею частью официальные документы партии и правительства. Каждый из них сам по себе достаточно выразителен, особенно при довольно широко распространенном теперь знании основ ленинских взглядов на смычку и союз рабочих и крестьян.

Т. к. работа ни в какой мере не претендует на самостоятельную ценность—хотя бы и такую какую имеет сложная компиляция из малодоступных материалов—и должна служить партийным деловым потребностям, то составитель не постеснялся заимствовать добрую половину хроники (с изменениями и дополнениями всю историю гражданской войны) из несправедливо забытой книги Поарма 7 и Лнгр. Пуокра — „Спутник пропагандиста“. К цитатам из Ленина комментарии даны в минимальном количестве, главным образом, для связывания цитат между собою.

Если хоть части докладчиков эта книжка сократит время, нужное для подготовки к докладу и поможет его планировке и иллюстрированию фактами и цитатами, то издание книги будет оправдано.

Хроника важнейших событий за семь лет (1917—1924) пролетарской революции в России.

I.

24-го октября (6 ноября) Керенский отдал приказ об аресте Военно-Революционного комитета и закрытии большевистских газет. В ночь на 25 октября (7 ноября) по приказу Военно-Революционного комитета полки ленинградского гарнизона вышли на улицу, без боя заняли все правительственные здания и вокзалы, разогнали предпарламент и к вечеру того же дня захватили осажденных в Зимнем дворце членов правительства, за исключением Керенского, успевшего скрыться. В это время уже заседал второй *Всероссийский С'езд Советов,* на котором было представлено 676 депутатов, в подавляющем большинстве большевиков и левых эс-эров. Большевиков было немного более половины (51%). *С'езд Советов постановил взять власть в свои руки* и образовал Временное Рабоче-Крестьянское Правительство под названием *Совета Народных Комиссаров,* во главе с *товарищем Лениным.* Левые эс-эры не без колебаний остались с большевиками, но принять участие в образовании Совнаркома отказались. Остальные партии ушли со с'езда. С'ездом были приняты декреты: о земле, о рабочем контроле и о мире, распространенные немедленно же через агитаторов и крестьянских ходоков по всей стране. Одновременно шла работа по организации и вооружению Красной Гвардии. Если в Петербуге власть была захвачена почти без кровопролития, то в Москве, главным образом в виду недостаточной решительности самих местных большевиков, борьба была упорной и жестокой. Но в конце концов победа осталась за революцией.

29 октября (11 ноября), в Петербурге, вожди мелкобуржуазной демократии, эс-эры и меньшевики, образовавшие

„Комитет Спасения", пытались поднять мятеж юнкеров. Мятеж был подавлен. Керенский, собрав под началом генерала Краснова остатки войск, двинулся на Петербург, но отряды Кр. Гвардии и матросов отбили натиск казачьих войск Краснова под Гатчиной. Казаки стремились вернуться на Дон и вяло и неохотно дрались за Керенского. Керенский бежал. Краснов был взят в плен. Несмотря на вооруженное сопротивление, революция победила в важнейших центрах. Но по провинциальным городам пролетарская революция распространялась, отметая от власти эс-эров и м-ков, засевших во многих советах, еще несколько месяцев.

Еще перед Октябрем создались два основных враждующих лагеря, на которые делилось все население страны. По одну сторону стояли рабочие, крестьяне и солдаты, под руководством партии большевиков, по другую — все разношерстные слои крупной и мелкой городской буржуазии и интеллигенции, представителями которых являлись кадеты и социалисты соглашательского толка. Власть Советов была рабоче-крестьянской властью, пришедшей на смену власти буржуазии. Из этого положения неумолимо вытекала самая ожесточенная борьба с Советской властью тех классов, которые были отброшены Октябрьской революцией от кормила правления. Совет Народных Комиссаров овладевал аппаратом одного правительственного учреждения за другим, повсюду наталкиваясь на саботаж высшего и среднего чиновничества. Этот саботаж был организован всевозможными меньшевистско-эс-эровскими правлениями союзов чиновников, вроде „*Викжеля*" и „Цикпотеля" [1] и др., финансировался банками и крупными промышленными тузами, но был сломлен через недолгое время. „Викжель", возглавлявшийся меньшевиками и эс-эрами, требовал образования общесоциалистического правительства, но переговоры коммунистов с меньшевиками и эс-эрами окончились разрывом.

В это время часть членов большевистского ЦК заколебалась, не доверяя силам революции и преувеличивая влияние м-ков и эс-эров на массы. Эти товарищи (Зиновьев, Каменев, Рыков, Ногин, Юренев, Ларин и др.) настаивали на образовании общего правительства с м-ками и эс-эрами, на разжижении революционного ЦИК Советов представителями соглашательской демократии.

Твердость т. Ленина и революционное настроение рабочих партийных масс содействовали быстрому изжитию кризиса. Вышедшие было из ЦК и Совнаркома товарищи, подчиняясь партийной дисциплине, вернулись на свои посты.

В это время на Урале поднял казачий мятеж против Советской власти полковник Дутов, на Дону Корнилов, Кале-

[1] „Викжель" — Всеросс. Исполн. Комитет Союза Железнодорожников, „Цикпотель" — почтово-телеграфных работников.

дин и Алексеев. Пытавшийся саботировать заключение перемирия с немцами, главнокомандующий ген. Духонин был арестован новым главкомом—т. Крыленко и затем убит солдатами (самосудом). Борьба с казачьей контр-революцией оказалась делом нелегким. Красная Гвардия, добровольческие отряды рабочих, матросов и частью солдат все же нанесли белым казакам зимой 1917—18 года ряд сокрушительных ударов, от которых те не скоро могли оправиться.

К этому же периоду в истории Советской власти относится ее борьба с Украинской Радой. Откликом Октябрьского переворота на Украине был бой между советскими войсками и войсками, верными Керенскому в Киеве. Победа склонялась на сторону первых. Большевики на Украине были, однако, слишком слабы, чтобы воспользоваться плодами победы.

Центральная Рада захватила власть в свои руки. Но во главе Рады стояли украинские меньшевики и правые эс-эры—худшая националистическая разновидность своих российских собратьев. Третий универсал, выпущенный 7 (20) ноября Радой, провозглашал создание Украинской Народной Республики, и в то же время призывал „к решительной борьбе со всяким безвластием и анархией", то-есть, с Советской Россией. Это был прямой вызов Советской власти и ориентация на белогвардейского генерала Каледина, оперировавшего против красных войск на Дону. Вместе с тем, говоря о своем народолюбии, Украинская Рада вовсе не собиралась передавать всей земли и фабрик трудовому украинскому народу. Видя это, крестьяне стали отходить от Рады, которая сделала Киев контр-революционным гнездом. В Харькове 13 (26) декабря состоялось открытие С'езда Украинских Советов, об'явившего себя верховной властью на Украине и вступившего в борьбу с Радой. В этой борьбе Всеукраинский ЦИК был поддержан советскими отрядами, развившими победоносное наступление вглубь страны. В начале 18 года был взят Киев. Центральная Рада пала и, желая спасти свое положение, обратилась за помощью к германскому империализму.

В области внутренней политики рабоче-крестьянское правительство в первую голову решило вопрос о земле, волновавший огромную массу крестьянства, издав в первые же дни после Октябрьского переворота соответствующий декрет.

Декрет был сформулирован на основании крестьянских наказов и имел название „Закона о социализации земли". Этому мелкобуржуазно-утопическому названию соответствовало и содержание декрета, запрещавшего наемный труд при сохранении мелкого хозяйства и имущественного неравенства среди крестьян. Это была уступка крестьянству, среди которого еще не выявилась резко классовая борьба бедноты с кулаками

и которое было проникнуто мелкобуржуазными иллюзиями. Помещичья земля без всякого выкупа передавалась крестьянам. В результате, в течение непродолжительного срока помещичье землевладение было ликвидировано, земля поступила в распоряжение крестьянства, при чем, однако, лучшая часть земли пока досталась наиболее мощному экономически слою крестьянства, т.-е. кулакам и зажиточным середнякам.

Тов. Ленин позднее говорил, что это была еще лишь буржуазная революция в деревне. Зато мы имели на время необходимую пока поддержку всего крестьянства в целом.

Важнейшей мерой, направленной к подрыву могущества капиталистической буржуазии, была национализация банков. Все банковое дело было передано в руки государства в лице Советской власти, и все банки об'единены в одном Народном Банке РСФСР. К этой же цели — подрыву могущества капитала — были направлены декреты об уничтожении права наследования и дарения. Наконец, сильный удар международному капиталу был нанесен *аннулированием займов*, то есть отказом платить долги, заключенные царским правительством в Англии, во Франции и др. странах. Переход к национализации промышленности, то-есть, к передаче всей промышленности в руки государства, был начат декретом об установлении рабочего контроля над ведением дела предпринимателями. Это уже было началом вмешательства рабочих в производство. Наконец, в декабре 1917 года было положено начало созданию Высшего Совета Народного Хозяйства, долженствовавшего систематизировать и централизовать все производство в целом и согласовать его отдельные отрасли между собой. Затем, с самого начала, перед Советской властью встал во всей своей остроте продовольственный вопрос. Работа в этой области свелась к поддержанию и расширению государственных монополий на главные продукты потребления и к правильной организации их государственного распределения.

Кроме того, Советской властью декретом от 24 ноября (6 декабря) 1917 года были упразднены все старые суды и старые законы и начата работа по организации нового суда; проведено отделение церкви от государства и от школы; установлен гражданский брак и т.д. Этими последними мерами была радикальнейшим образом завершена буржуазно-демократическая революция в России.

Окончательное закрепление победы русского пролетариата над буржуазией нашло свое выражение в акте роспуска Учредительного собрания. Учредительное собрание открыло свои заседания 5 (18) января 1918 года. Большинство в его составе принадлежало правым эс-эрам,

так как выборы по всему пространству России происходили по старым спискам, составленным еще до октябрьской революции, когда правые эс-эры шли вместе с левыми. Таким образом, состав Учредительного собрания и формально не соответствовал подлинному настроению России, не говоря уже о полевении крестьянства после Октября, и декретов о земле и мире. Рабоче-Крестьянское Правительство предложило Учредительному Собранию признать власть Советов и изданные Советами декреты. Но эс-эр В. Чернов, избранный председателем Учредительного Собрания, заявил, что его партия, то-есть большинство Собрания власти Советов подчиняться не будет. Тогда Учредительное Собрание было распущено. На его защиту выступили лишь интеллигенты, буржуа и незначительные группы малосознательных рабочих. Это движение было ликвидировано (5 января) в Ленинграде, почти без кровопролития.

Немедленно вслед за роспуском учредилки, 10 (23) января 1918 года, открылся третий Всероссийский С'езд Советов. Из присутствовавших на с'езде свыше тысячи делегатов около 90% было большевиков и левых эс-эров. С'езд одобрил роспуск Учредительного Собрания и принял „Декларацию прав трудящихся", которая легла в основу деятельности новой власти, ставшей называться уже не „Временным Рабоче-Крестьянским Правительством", а просто Рабоче-Крестьянским Правительством.

Уже в историческом ночном заседании второго Всероссийского С'езда Советов был принят декрет о мире. Через несколько дней после принятия декрета Советское Правительство обратилось к бывшим союзникам и противникам с предложением заключить всеобщий мир. В ответ на это союзные правительства через главнокомандующего генерала Духонина адресовали Советской власти ряд угроз, что, в свою очередь, вызвало протест со стороны Рабоче-Крестьянского Правительства. В то же время, чтобы раскрыть глаза рабочим массам всего мира на подлинную подкладку политики их правительств, Советская власть опубликовала грабительские тайные договоры, заключенные царем с союзными империалистами. Мирное предложение Советской власти было принято Германией и союзными ей державами (Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией). Уже 22 ноября (5 декабря) были приостановлены военные действия на всем фронте, а 9 (22) декабря начались в Брест-Литовске мирные переговоры. Русские делегаты умышленно затягивали их в продолжение двух месяцев с целью прояснить своими речами сознание международного пролетариата и побудить его к революционным выступлениям. В ответ на декларацию русской делегации, германские империалисты присоединились к демократической формуле мира—

без аннексий и контрибуций, на началах самоопределения наций, но когда через несколько дней дипломаты четверного союза расшифровали свой ответ, то оказалось, что словесное признание ими принципов демократического мира весьма своеобразно соединялось с откровенно грабительскими требованиями. Переговоры грозили оборваться. Но мысль о прочном мире так глубоко проникла в сознание рабочих масс, что одна только весть о возможности разрыва переговоров вызвала революционное брожение в Германии и Австро-Венгрии, где вспыхнули массовые стачки рабочих и образовались Советы. Ясно, что дальнейшее затягивание переговоров не могло не обеспокоить германских империалистов. Предательскую роль сыграла делегация Киевской Рады, которая, участвуя одновременно с Советской делегацией в переговорах с немцами, в то же время вела с ними отдельные тайные переговоры и накануне общего решения заключила сепаратный мир с Германией, обещав ей украинский хлеб в обмен за подавление Советской власти на Украине. Революционное движение немецких рабочих оказалось недолговременной и слабой вспышкой, и 10-го февраля 1918 года немцы поставили русской делегации ультиматум: принять условия мира с аннексией в пользу Германии ряда областей, занятых немецкими войсками. Тогда представители Советской России отказались подписать мир, провозгласив лозунг — „ни мир, — ни война!“ Одновременно было приступлено к демобилизации армии, уже давно стихийно разбегавшейся.

В это время часть видных деятелей нашей партии заняла позицию против „капитуляции“ перед требованиями германского империализма (Бухарин, Урицкий, Осинский, М. Покровский, К. Радек, Стуков и др.). Они требовали отказа от заключения мира и революционной войны с немцами, для чего у Сов. власти не было никаких возможностей. Тов. Троцкий занимал промежуточную позицию: „мира не подписывать; войны не вести“.

С трудом удалось Ленину уже после возобновления немецкого наступления, стоившего нам массы захваченного немцами оружия и военных запасов, а также ряда провинций вплоть до Пскова, добиться голосования ЦК за мир. Но „оппозиция“ продолжала открыто протестовать против мира. Был собран 7-ой с'езд партии (в марте 18 г.), ставший в большинстве на точку зрения Ленина. „Оппозиция“, дошедшая до выражения недоверия ЦК (Моск. областн. комитет) и угроз расколом, до воздержания против воли большинства фракции с'езда и ЦК от голосования за мир на IV с'езде Советов, постепенно, не поддержанная рабочей массой, примирилась с Брестской „передышкой“. 7-ой же с'езд партии принял постановление о переименовании ее в Росс. Комм. Партию (большевиков).

В ответ на отказ подписать мир, немецкое командование двинуло против революционной России свои войска. В несколько дней были заняты Двинск, Ревель, Псков, Нарва и другие города. В Белоруссии, при содействии немцев, начали хозяйничать польские легионы, которые были организованы польской буржуазией в период Керенского, и которые восстали против Советской власти, когда она потребовала их реорганизации на демократических началах. Гербические отряды красногвардейцев не в состоянии были противостоять вооруженным до зубов полчищам кайзера, а старая армия, уставшая сидеть в окопах, стремительно и неудержимо демобилизовалась. В то же время, немецкие штыки восстанавливали власть мелкобуржуазной Рады на Украине и власть буржуазного правительства Свинхувуда в Финляндии, где рабочие, по примеру русского пролетариата, захватили было власть в свои руки. 2 марта экстренно выехавшая в Брест мирная делегация подписала Брестский мир на более тяжелых условиях, чем предлагали раньше германские империалисты: отказ России от Лифляндской и Эстляндской губерний, роспуск армии и т. д. Левые эс-эры, представители которых к тому времени входили уже в Совнарком, протестовали против подписания мира. На чрезвычайном 4-ом С'езде Советов победу одержали сторонники заключения мира. Брест-Литовский договор был ратифицирован (утвержден).

На 4-ом Всероссийском С'езде Советов (14 марта 1918 года) присутствовало свыше 1.200 делегатов, из них 64% большевиков. Подавляющее большинство с'езда голосовало за утверждение мирного договора, воздержалась только небольшая группа „левых" коммунистов и голосовали против левые эс-эры. Оставшись в меньшинстве, левые эс-эры ушли из правительства, обнаружив этим свой отход от революции. Называя себя защитниками интересов крестьянских масс, они на деле были далеки от этих интересов и отражали лишь национализм интеллигенции и кулачества и мелкобуржуазно-торгашеское настроение зажиточного крестьянства.

Главной задачей Советской власти теперь было, по словам тов. Ленина, лавировать и отступать, чтобы додержаться до прихода мировой революции. По инициативе Ленина, намечался переход от непрерывной национализации все новых и новых промышленных предприятий к организации управления уже взятыми фабриками и заводами, с привлечением за хорошее вознаграждение к хозяйственному строительству и управлению бывших хозяев и буржуазных спецов. Ненационализированные предприятия предполагалось взять под контроль Советской власти. Этот план „государственного капитализма" встретил оппозицию „левых коммунистов"—противников Бреста. Оппозиция была слабой,

но план Ленина был сорван развитием гражданской войны. Война, с заключением Брестского мира, прекратилась только на западном фронте. Немецкие и австрийские войска, вставшие на защиту Украинской Рады, вскоре сплошь заняли Украину и протягивали руку помощи генералу Краснову, наступавшему на территорию Советской Республики с юга. В Финляндии рабочая революция была раздавлена. Со всех сторон Советскую Россию окружали враги. Красногвардейские отряды, побеждавшие белые банды русской буржуазии, были бессильны бороться с регулярными немецкими войсками. Необходимо было создавать новую армию крестьян и рабочих, чтобы отстоять завоевания революции. Основы организации армии уже были изложены в декрете Совнаркома от 15 января 1918 г. 22 апреля ВЦИК принял постановления о порядке замещения командных должностей в Красной Армии и о Всевобуче, а 27 мая — о принудительном наборе в Красную Армию. Во главе Красной Армии был поставлен тов. Троцкий, решительный противник всякого партизанства и кустарничества.

Самые большие трудности были встречены Советской властью при последовательном проведении монополии на хлеб и другие продукты питания. Крестьянская буржуазия не желала вести в город хлеб по установленным твердым ценам. В сельских и волостных Советах засели кулацкие элементы, нажившиеся на спекуляции и угнетавшие крестьянскую бедноту. Они в начале весны 1918 г. подняли ряд восстаний против Сов. власти (на Волге особенно). Поэтому Советская власть призвала всех трудящихся и неимущих крестьян „к немедленному об'единению для беспощадной борьбы за хлеб". Был издан декрет о комитетах деревенской бедноты, которые взяли на себя учет хлебных излишков, припрятанных кулаками и зажиточными элементами деревни, их реквизицию и распределение. Для помощи беднейшему крестьянству в деле учета излишков, Наркомпрод стал формировать вооруженные рабочие продовольственные отряды. Таким образом классовая борьба перекинулась в деревню, и там началась социалистическая революция. Левые эс-эры сознательно стали на защиту кулацких элементов деревни, обвиняя большевиков в том, что они искусственно вносят рознь и раздоры в среду „трудового" крестьянства. Вместо союза со всем крестьянством, мы имели теперь союз с беднейшим крестьянством и борьбу за влияние на среднее крестьянство. После политического и экономического разгрома кулаков беднотою и обнаружения помещичьих симпатий белых, к концу 1918 г. середняки в общем перешли на сторону рабочей власти, что и решило судьбу гражданской войны в нашу пользу.

Тем временем на Украине, в Поволжьи и Сибири произошел ряд новых событий. Украинская буржуазия при помощи немецких штыков разогнала Центральную Раду. Верховным главой Украины 29 апреля 1919 г. был „избран“ с'ездом „хлеборобов“, т.-е. помещиков и кулаков, гетман Скоропадский. Восстановление самодержавного режима в Киеве окрылило надежды всех русских контр-революционеров. Немецко-гайдамацкие отряды грабили страну и увозили хлеб, скот, сало, военное снаряжение и пр. Крестьянство восстало против гетмана, за спиной которого стояли иноземный грабитель и „свой“—украинский—помещик. Не только бедняки, но и кулаки составляли отряды для борьбы с немцами и гайдамаками. Советская власть помогала украинским повстанцам оружием, финансами, но в то же время вела мирные переговоры с правительством Скоропадского, не имея возможности об'явить ему открытую войну. А на Дону, в союзе с немцами, открыто призывал к восстановлению монархии генерал Краснов.

II.

Торжество Октябрьской революции, обнародование тайных договоров, аннулирование займов и, главное, ликвидация русско-германского фронта — все это обеспокоило хищников антантовского империализма. Первоначальная выжидательная политика сменилась весною 1918 года попытками активного вмешательства в русские дела. 6 апреля 1918 года во Владивостоке были высажены японский и английский десанты. Другой план удушения Советской России сводился к захвату Сибирской жел.-дор. магистрали. Исполнители были найдены в лице чехо-словацкого корпуса, который Советская власть решила пропустить через Сибирь во Владивосток, откуда он морем должен был выехать во Францию. Подкупленный командный состав убедил темных чехо-словацких солдат выступить против Советской власти. К чехо-словакам примкнули правые эс-эры и меньшевики и белогвардейские банды. Этим эс-эры и меньшевики поставили себя вне революции и постановлением ВЦИК были исключены из всех Советов. В руки мятежников перешли Самара, Симбирск, Екатеринбург, Омск, Томск, Челябинск и почти вся Сибирь до Иркутска. Советская Россия сразу оказалась отрезанной как от сибирского, так и от южного и поволжского хлеба. На Кавказе в это время грузинские меньшевики, при помощи немецких войск, стали у власти, об'явив независимую республику Грузию. Баку, с его нефтяными источниками, был занят сначала турками, потом англичанами. Таким образом, к 5-му С'езду

Советов, открывшемуся 4-го июля 1918 г., в составе Советской России оставалась небольшая часть территории бывшей Российской Империи.

В этот тяжелый момент левые эс-эры решили выступить против воли полномочного представительства всех трудящихся Советской Республики и *насильно сорвать Брестский мир*. На 5-м Съезде Советов, где их присутствовало около 200 человек, левые эс-эры требовали войны с Германией и уничтожения комитетов деревенской бедноты. Не видя возможности провести срыв Брестского мира путем решения съезда, эс-эры попытались поднять восстание против Советской власти. Террористической группой левых эс-эров во главе с одним из членов коллегии ВЧК левым эс-эром, явившимся к герм. послу как представитель Сов. власти, был убит 7 июля германский посол Мирбах: таким путем левые эс-эры думали спровоцировать войну с Германией. Одновременно несколько взбунтовавшихся лево-эсеровских отрядов заняли московский почтамт и телеграф, и стали бомбардировать Кремль. Авантюристское выступление было подавлено в тот же день. Этим истерическим шагом левые эс-эры погубили свое существование, как партии: честные рабочие и крестьяне, считавшие себя левыми эс-эрами, отшатнулись от своих заговорщических вождей и стали переходить в ряды коммунистической партии. В результате убийства Мирбаха, Германия потребовала ввода своих войск в Москву, но твердый и решительный отпор со стороны Советской власти заставил германских империалистов от этого требования отказаться. На 5-м Съезде Советов была принята „Конституция (основной закон) РСФСР".

Несколько дней спустя — 11 июля — офицеры, во главе с Б. Савинковым, по приказу французского командования подняли восстание в Ярославле, и только после долгой ожесточенной бомбардировки город был взят обратно советскими войсками. Это восстание должно было соединить сев. фронт белых с волжским (Вологда, Ярославль, Нижний). Но архангельский десант не взял Вологды, а наступавшие от Казани белые были остановлены под Свияжском. Повсюду в деревнях вспыхивали кулацкие бунты под руководством правых и левых эс-эров. В Самаре заседал меньшевистский и право-эс-эровский „Комитет членов Учредительного Собрания", восстанавливавший при помощи порки шомполами и карательных экспедиций „демократический режим" в Поволжьи и Сибири. Англичанами и французами был высажен десант на севере России, заняты Архангельск и Онега, и образовано белогвардейское Северное Правительство во главе с Н. Чайковским. Посольства империалистов Антанты выехали в г. Вологду, откуда стали плести сеть контр-революционных заговоров и восстаний внутри страны

Злоумышленниками взрывались мосты, железные дороги, поджигались склады с продовольствием и воинским снаряжением, провоцировались забастовки и голодные бунты. Атташе английского посольства Локкарт был уличен в организации широкого контр-революционного заговора, имевшего целью захват Кремля и Совета Народных Комиссаров. Наконец право-эс-эровские организации решили действовать путем единоличного террора. В июне был убит эс-эровской боевой дружиной трибун петроградского пролетариата тов. Володарский. 30 августа пал от руки юнкера, близкого к правым эс-эрам и народным социалистам, Л. Канигиссера, председатель петроградской ЧК тов. Урицкий и в тот же день тяжело ранен был выстрелом правой эс-эрки Каплан тов. Ленин.

На белый террор Советская власть ответила массовым красным террором. По всей стране губернские и уездные Чрезвычайные Комиссии по борьбе с контр-революцией получили право беспощадного расстрела всех уличенных в заговорах и контр-революционных посягательствах на Советскую власть. Из среды буржуазных элементов общества были взяты заложники, которые должны были отвечать своей головой за всякое преступление, совершенное против рабоче-крестьянской власти. Вторым орудием террора явились Революционные Трибуналы. Вся буржуазная печать была закрыта и всякая легальная деятельность буржуазных и оппозиционных партий насильственно прекращена. Ставка контр-революции на взрыв Советской власти изнутри была бита.

Советская Россия вырвалась из огненного кольца войны благодаря тому, что главные силы обеих империалистических коалиций были оттянуты на западный (англо-франко-германский) фронт. Взаимная склока империалистов обеспечивала Советской республике *передышку*, которую она использовала для напряженной внутренней работы, в особенности для создания Красной Армии. Ослабление Германии на Западном фронте, в связи с угрозой *воссоздания* англо-французами русского фронта в случае падения большевиков под напором чехо-словацких „учредиловских“ и красновских войск, побудило Германию пойти на уступки Советской власти, выразившиеся в подписании дополнительного договора и Брестскому миру, смягчавшего условия последнего (27 августа). Это было крупной победой советской дипломатии.

Вскоре начались победы и на внутреннем фронте гражданской войны. 7 сентября Красной Армией взята Самара, 10 сентября пала белая Казань, и Красная Армия перешла в победоносное наступление на чехо-словацком фронте. Таким образом, к концу первой годовщины своего существования Советская Россия не только удержалась, лавируя и отступая, но и создала силу — Красную Армию рабочих и крестьян,

способную сражаться и побеждать войска контр-революции. Армия перестала быть добровольческой и партизанской. В Красную Армию были влиты мобилизованные рабочие и крестьяне, принудительно привлечены офицеры старой армии; командование и снабжение ее было централизовано.

Открытие 6-го Всероссийского С'езда Советов (6 ноября) совпало с революцией в странах Четверного Союза (Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции), вспыхнувшей вследствие разгрома германского империализма армиями англо-французов, усиленными прибытием американских войск, и разложения оккупационных немецких войск на русских окраинах. Мировая война фактически закончилась победой Антанты. Непосредственным результатом краха Четверного Союза было расторжение Брестского договора. Вслед за этим победоносные советские войска вступили на территории освобожденных от немецкого ига окраинных областей. Украинский гетман Скоропадский понял, что часы его сочтены, и поспешил заключить союз со ставленником Антанты — генералом Деникиным, сменившим Краснова на посту командующего южной белогвардейской армией. Но было уже поздно. Соглашательские партии избрали из своей среды директорию во главе с Петлюрой и Винниченко, призвавшую крестьян к восстанию во имя „самостийной" Украины. Город за городом переходил в руки директории и, в конце концов, пал гетманский Киев. Но взятие их было началом широкого разлива большевистской волны. Следом за гайдамаками Петлюры в города Украины вступили Красные части. Наследница австро-германского империализма, Антанта уже успела захватить в свои руки Одессу, Николаев, Херсон и Крым. Но Советские войска сокрушили ее подточенные внутренним разложением силы и очистили Украину от иноземных штыков. Красное знамя Советов взвилось почти над всей Украиной. То же произошло в *Эстляндии, Латвии, Белоруссии и Литве*, где красные войска были поддержаны восставшим населением, и буржуазные национальные организации, захватившие после ухода немцев власть в свои руки, были свергнуты.

С осени 1918 г. резко изменилось к лучшему настроение среднего крестьянства по отношению к Сов. власти. Власть комбедов в деревне была заменена властью правильно избранных советов. Был издан 30 октября декрет о сельско-хозяйственном налоге (см. приложение), оставлявший крестьянам часть излишков их хозяйства. Но военная обстановка, разруха промышленности и обесценение денег привели к аннулированию на деле до 1921 г. этого декрета и к политике продразверстки, т.-е. отбирания у крестьян всех продуктов их хозяйства, кроме необходимых для собственного потребления крестьянской семьи.

Таким образом к началу нового 1919 года могущество германского империализма, душившего Советскую Россию,

было сломлено. Зато были развязаны руки для борьбы с Советской Республикой у стран-победительниц — держав Антанты. Сознавая опасность, грозящую ей с этой стороны, Советская Россия обратилась к Антанте с предложением мира, которое было единогласно принято на 6-м С'езде Советов. Но союзники замолчали это предложение и начали длительную подготовку к организации концентрического (со всех сторон) наступления на Советскую Россию. На востоке, где „учредиловские" войска терпели одно поражение за другим, офицерами и казаками была арестована „Директория"—порождение право-эс-эровского „Комитета Учредилки" — и провозглашен „верховным правителем всея Руси" адмирал Колчак (18 ноября 1918 г). На Дону, где красные войска подходили уже к Новочеркасску, неудачливого Краснова сменил генерал Деникин, начавший создавать крупную добровольческую армию. Наконец, окраинные правительства, изгнанные трудящимися из своих пределов, обратились к союзникам за помощью. На Украине орудием реакции явились польские легионы, перешедшие от немцев на службу к союзникам, и петлюровские гайдамацкие отряды, угнездившиеся в юго-западном углу Украины. На западных окраинах России контр-наступление против советских войск начали белогвардейские банды, сформированные различными авантюристами вроде Булак-Балаховича, Бермонт-Авалова, фон-дер-Гольца, польские легионеры, немецкие полки, не успевшие эвакуироваться в Германию и прочий интернациональный сброд, поддержанный англо-французским флотом, бомбардировавшим побережья Балтийского моря. Предварительно для отвода глаз трудящихся союзники сделали 25 января 1919 г. Советской власти предложение встретиться на Принцевых островах с представителями Деникина и Колчака для заключения мира. „Союзники" расчитывали на то, что Советская Россия откажется от переговоров и тогда на нее можно будет свалить всю ответственность за войну. Советская Россия, однако, согласилась участвовать в конференции, но на это не пошли ни Колчак, ни Деникин. Тогда союзники об'явили конференцию не состоявшейся и все же повели открытые военные действия против Советской России.

Антантой была создана пресловутая Лига Наций, явившаяся на деле организацией союзных империалистов для удушения народов и, в частности, для разгрома русской революции. Но Лига Наций не была в состоянии даже примирить интересы вошедших в ее состав грабительских государств, и организованное ею концентрическое наступление „четырнадцати держав" потому-то и провалилось, что эти „державы" не только не действовали согласно, но даже не хотели признавать друг друга. В противовес этому „Черному Интернационалу" империалистов и „Желтому Интер-

националу“ социал-патриотов, возник Коммунистический Интернационал, основанный в марте 1919 г. на московском с'езде представителей революционных рабочих партий различных стран, поставивший своей главной задачей совместные действия международного пролетариата для низвержения капитализма. Свою международную солидарность рабочие всех стран доказали на деле, протестуя против союзной интервенции (вторжения) в Советскую Россию. В это время дошла до высшего пока напряжения пролетарская революция в Европе (торжество и падение Советской власти в Венгрии и Баварии; рабочие восстания в Германии; стачки и забастовки рабочих в Англии, Франции и т. д.).

Весною 1919 г. VIII-ой с'езд РКП заявил о том, что Сов. власть опирается на союз пролетариата с беднейшим и средним крестьянством и постановил вести крайне осторожную и дружественную политику по отношению к середнякам. Тот же с'езд принял программу РКП и одобрил тезисы Троцкого о принципах строительства Красной армии.

III.

К весне 1919 года положение Советской России значительно изменилось к худшему. Советская власть в Эстляндии, Латвии, Литве и Белоруссии была раздавлена, не успев окрепнуть, и трудящиеся этих стран попали под ярмо белогвардейской диктатуры, прикрывшейся националистической агитацией об империализме Советской России, якобы „захватившей Эстонию, Латвию и Литву, следуя примерам царизма“. На Востоке Колчак, вытесненный Красной Армией с Урала и Волги, воспользовался тем, что большая часть наших войск была отвлечена на южный фронт и, сколотив себе при содействии союзников крепкий ударный кулак, перешел в наступление на Советскую Россию. Он захватил Пермь и Уфу и снова подошел почти вплотную к самой Волге. На Дону Деникин усиливал свой нажим на Советскую Россию и Украину. Опасность угрожала даже красному Петрограду, против которого были брошены белогвардейские банды Родзянко и Балаховича (Майское наступление Юденича и восстание форта Красная Горка).

К лету 1919 г. на восточном фронте произошел перелом. Красная армия, оправившись от вражеских ударов, спаянная единой волей к победе, которую принесли с собой тысячи мобилизованных на фронт коммунистов, перешла в победоносное наступление против колчаковских войск. Колчаковские полки, составленные из насильно мобилизованных крестьян, разлагались и переходили на нашу сторону: население, измученное колчаковским палочным режимом, встречало Крас-

ную Армию, как избавительницу. Одновременно было начато наше наступление на Олонецком и Северном фронтах. Белофинны были изгнаны из Олонецкой губернии: на Северном же фронте с наступлением осенней распутицы установилось равновесие борющихся сил.

Зато к осени грозная опасность для Советской власти выросла со стороны Деникина. На Украине, горевшей на пожаре кулацких мятежей (атаманов Григорьева, Зеленого, батьки Махно и др.) и мелкого бандитизма, Советская власть доживала свои последние дни. Социальный состав крестьянства, шедшего в своем большинстве за кулаками, пропасть между городом и деревней, малочисленность городского пролетариата и, наконец, ошибки местной Советской власти (напр., в национальном вопросе), должны были неминуемо привести к ее поражению. В это время началось организованное наступление на украинскую территорию деникинской армии, петлюровских гайдамаков и польских легионов, получавших помощь от союзников. Падение Украинской Советской власти стало неизбежным, но оно же являлось залогом неизбежной грядущей победы, так как Петлюра, Деникин и польские легионы могли вместе бороться против украинской Советской власти, но не могли заменить ее какой-либо другой прочной властью. Победа контр-революции под Киевом, откуда Деникин выбил петлюровские отряды, уже обнаружила ее бессилие. Но Деникин продолжал продвигаться на Север, захватывая средне-русские черноземные губернии. Иноземная печать уже трубила о вступлении Деникина в Москву. Деникин занял Орел — 13 октября и Воронеж — 6 октября и приближался к Туле. В эти же дни разбитые, но не добитые белые банды на Северо-Западном фронте, под командованием генерала Юденича, снова перешли в *наступление на Петроград* 11—21 октября. На этот раз им удалось продвинуться к столице гораздо ближе, чем раньше, — до самого Пулкова. Но торжество белых было недолговечно. Красная армия нанесла им сокрушительный удар и не только отбросила от Петрограда, но разгромила вконец армию Юденича.

Тогда же начались наши успехи на *Деникинском фронте*. Тыл Деникина трещал. Фронт его был непомерно растянут. Деникинские солдаты, под влиянием нашей широкой агитации и насилий Деникина над крестьянством, стали тысячами переходить на нашу сторону. Наконец, укрепилась и наша армия: создались красные конные корпуса тов. Буденного. 17 октября Красная армия взяла Орел и Воронеж и, прорвав фронт Деникина, принудила его к отступлению.

Зима 1919—1920 г. была решительным торжеством Советской власти. Деникинское наступление потерпело полный крах. Украина, Дон, Кубань, Северный Кавказ перешли в руки Советской власти. Колчак был взят в плен в Иркутске

и 27 декабря расстрелян. Вся Западная и Средняя Сибирь стала „честной“ Советской страной. В феврале 1920 года был окончательно ликвидирован Северный фронт: заняты Архангельское побережье и Мурман. Территория Советской России расширилась на много тысяч квадратных верст.

1919 год был годом вооруженной борьбы за самое существование Советской России. В центре всех вопросов государственного устройства стоял военный вопрос, и работа во всех других областях (в области хозяйственного строительства, народного просвещения и пр.) хотя и не прекращалась, но ослабела в связи с отвлечением лучших сил на фронт для непосредственной военной работы. Год борьбы произвел значительные изменения в настроении различных классовых группировок внутри страны. Среднее крестьянство, которое, получив землю и осуществив свой мелкобуржуазный собственнический идеал, заняло отчасти враждебную позицию по отношению к Советской власти из-за реквизиций и учета хлебных излишков, различного рода трудовых мобилизаций и т. п., под влиянием колчаковских и деникинских уроков убедилось, что в случае падения Советской власти ей на смену придет власть *помещиков*, и стало сознательнее относиться к переживаемым событиям. Кулаки были лишены части земли и имущества, а бедняки получили помощь своему хозяйству. Таким образом крестьянство „поровнялось“ и стало в большинстве средним. Дезертирство из Красной армии, достигавшее в начале года огромных размеров, сократилось во много раз: ссыпка хлеба и сдача государству других продуктов значительно возросла. Партийные недели, проведенные в самые тяжелые дни для республики, ясно показали рост влияния коммунистической партии на пролетариат. Произошел большей сдвиг и в настроении *мелкобуржуазных и интеллигентских* слоев общества и пришедших под влиянием опять-таки генеральских уроков, к выводу о невозможности установления „демократической“ не-советской власти. Часть с-р (группа „Народ“) под влиянием колчаковского переворота решила начать с Колчаком вооруженную борьбу. Меньшевики даже об‘явили партийную мобилизацию против Деникина. Но на деле „левая часть“ эс-эров и м-ков не сумела порвать с явными контр-революционерами из среды своих партий. Получив легальность в конце 1919 г., м-ки и эс-эры не с‘умели в своей агитации в печати удержаться от натравливания рабочих и крестьян на Сов. власть. Поэтому газеты их были скоро снова закрыты.

IV.

После военных побед, перед Советской властью во весь рост встал вопрос *о борьбе с хозяйственной разрухой*. Годы

империалистической и гражданской войны оставили стране тяжелое наследие: разрушенный железнодорожный и водный транспорт, изношенный сельско-хозяйственный инвентарь, топливный, продовольственный и машинный голод, приведенные в негодность шоссейные дороги, взорванные мосты, разваливающиеся дома, убыль домашнего скота и т. п. Центр всего внимания страны привлекли *организационно-хозяйственные вопросы* — вопросы организации управления транспортом и промышленностью, распределения рабочей силы, составления единого хозяйственного плана, организации сельского хозяйства (совхозов и сел.-хоз. коммун), создания продовольственного фонда и т. п. Обсуждение этих вопросов велось на всех советских партийных и профессиональных с'ездах (VII с'езд Советов в декабре 1919 года, Всероссийский С'езд Совнархозов в начале 1920 г., IX партийный с'езд в марте — апреле 1920 г., Всероссийский с'езд Профсоюзов — в апреле и т. д.). С переброской всех сил на трудовой фронт было осуществлено применение армии для трудовых целей (трудармии), так как демобилизовать армию было нельзя в связи с ожидаемой войной с Польшей.

Победы красного оружия коренным образом изменили международное положение Советской России. Прежде всего это изменение сказалось на позиции окраинных белогвардейских государств. Под давлением своих народов и в страхе перед силой Красной армии, белые национальные правительства вступили с Советской Россией в переговоры о *мире*. Первой *заключила* мир с Советской Россией Эстония (в феврале 1920 г.), затем Грузия и Литва, Латвия и Финляндия. На позицию окраинных государств оказал влияние и шовинизм белых, не желавших в отличие от Сов. власти признавать права окраинных народов б. царской России на самоопределение. Не успела Советская власть закончить переговоры с буржуазным правительством Азербейджана, как оно было свергнуто—28 апреля 1920 г. и в Баку была об'явлена Советская республика, заключившая федеративный союз с Россией.

Вынуждена была изменить, по крайней мере, внешним образом, свое отношение к России и Антанта, об'явившая о *прекращении блокады* Советской России и вступившая в торговые переговоры с ее представителями. Революционное движение на Западе, не прекращающаяся гражданская война в Центральной Европе, рост освободительного движения на Востоке — все это заставляло Антанту видеть в Советской России очаг мировой революции, сильного врага, с которым нельзя не считаться. Поэтому, вынужденная вести переговоры с Советской Россией под давлением своих рабочих масс, Антанта в то же время еще не отказалась от планов удушения рабоче-крестьянской республики и весной 1920 года подготовила новое предательское *нападение* на ее территорию.

Исполнители нашлись в лице белогвардейской Польши, которая начала в мае 1920 года наступление против Советской России, не ответив на ее мирные предложения, и барона Врангеля, преемника Деникина, сделавшего базой для своих операций против Красной армии Крымский полуостров. Первые шаги армии Пилсудского, главы польского государства, увенчались успехом — поляки захватили всю правобережную *Украину и Киев*, ряд городов на Западном и Северо-Западном фронтах. Но уже в июне Красная армия собравшись со свежими силами, перешла в победоносное наступление и заняла *Белоруссию*, где была провозглашена Советская власть — *Украину*, Юго-Восточную Галицию и часть этнографической Польши. Антанта не успела во-время прийти на помощь бело-панской Польше благодаря противодействию западно-европейских рабочих, останавливавших поезда с эшелонами войск и военным снаряжением, устраивавших забастовки протеста и т. п.

В расчете на возможность прорваться к границам Германии, где пролетариат был настроен очень революционно, Красная армия вела в это время стремительное наступление на Варшаву и Львов. Второй конгресс Коминтерна летом 1920 года приветствовал Красную армию, как силу, несущую не только Советскую власть Польше, но и развязывающую мировую революцию установлением общей границы между Советской Россией и, созревшей для пролетарской революции, угнетенной антантовским и своим национальным капитализмом, Германией. Однако, стремительное наступление, которое мы вели на Варшаву, чтобы захватить ее, пока поляки не получили достаточной поддержки от Антанты, неизбежно вело к неудаче. С одной стороны, наши армии непомерно утомились, пройдя в немного недель многие сотни верст, и оторвались от баз своего снабжения. С другой стороны, польские рабочие, еще не изжившие доверия к социал-патриотам, „пепеэсовцам“, партии Пилсудского, были убеждены своими вождями, что красные войска идут завоевывать Варшаву, как представители возродившегося русского империализма. Ни польским рабочим, ни польским крестьянам мы не успели еще показать на деле, что такое Советская власть. Поэтому, руководимые и поддерживаемые французскими военными кругами, белополяки, собрав под Варшавой большой ударный кулак войск, нанесли нашим армиям тяжелое поражение под самой столицей Польши. 21 августа началось общее отступление советских войск на польском фронте, которое в общем прошло вполне организованно и удачно (лишь некоторые наши части были оторваны и вынуждены перейти на территорию Германии, где и были интернированы). 12 октября Советская Россия подписала с Польшей предварительный мирный договор в Риге (впоследствии ратифицированный). Этот мир хотя и передавал Польше

целый ряд территорий, населенных белоруссами и украинцами, но все же территориальные уступки Советских республик по этому договору были меньше, чем те, которые, избегая войны, наше правительство предлагало Польше весною 1920 года.

Осенью 1920 года нам пришлось ценою тяжелых жертв ликвидировать последние серьезные белогвардейские силы, а именно — войска генерала Врангеля — остатки деникинских полчищ, засевшие после разгрома добрармии в Крыму, под защитой укреплений Перекопского перешейка, усиленных, пока мы воевали с Польшей. Врангель из Крыма предпринимал налеты и на Кубань и на Донецкий бассейн. Сконцентрировав значительные силы, освобожденные с Польского фронта, Красная армия перешла в наступление и, после геройского боя на узком перешейке и в береговой полосе моря, ворвалась 30 октября в Крым и очистила его от белых. Остатки врангелевцев уплыли в Константинополь.

V.

Разгромом Врангеля гражданская война может по существу считаться законченной. Дальнейшая ликвидация белых банд и полоса кулацких восстаний (изгнание из Владивостока „правительства“ Меркулова, ликвидация финско-кулацкой авантюры в конце 22 года в Карелии, борьба с басмачеством в Фергане, уничтожение белых банд Пепеляева в Якутской области и даже поход в конце 20 года Булак-Балаховича и Савинкова на Минск и грабежи „Батьки“ Махно на юге Украины) — носили чисто местный характер, мало отражаясь на жизни всей Советской страны. В настоящее время враги Советской власти способны, как видно, устраивать лишь такие бутафорские „восстания“ в стиле похождений опереточных разбойников, как последние события в Грузии, имеющие значение лишь для дипломатических вымогательств Антанты и 2-го Интернационала. С соседними государствами мы не имеем никаких серьезных столкновений с 20-го года. Румыния до сих пор не заключила с нами мира и не вернула свободы Бессарабии, но дальше пограничных перестрелок наши отношения с Румынией ни разу не обострялись. С Японией же, захватившей Сахалин, и лишь к концу 22-го года очистившей Владивосток, у нас нет и мелких вооруженных столкновений, хотя нет и формального мира.

Но именно это-то окончание военного периода истории Советской России повлекло за собою целый ряд осложнений во внутренней жизни страны и в отношениях двух ее основных и правящих классов, пролетариата и крестьянства. Осложнения эти были вызваны нежеланием крестьян терпеть далее то

ограничение их хозяйственной самостоятельности, как мелких собственников, которое обусловливалось продразверсткой и было неизбежно в эпоху непрерывной гражданской войны. Война с Германией и период демобилизации армии и промышленности неизбежно требовали от рабочего правительства — как особенно заинтересованного в непрерывности работы фабрик и в снабжении городской бедноты и пролетариата хлебом, — поддержания и развития хлебной монополии. Поэтому свободная торговля хлебом была запрещена Советской властью. Еще осенью 1918 г. был издан декрет о продналоге, но он практически не был применен. Таким образом фактически уже с осени 1918 года отношения рабочего государства с крестьянами складываются на основе присвоения пролетарским государством всех „излишков“ крестьянского хозяйства. Крестьянство в общем терпит такой порядок вещей, пока для него ясна военная необходимость такого самоограничения. Но зато крестьянство, не заинтересованное непосредственно в получении большего количества продуктов своего хозяйства сверх того, что оно само потребляет, сокращает посев до „продовольственной нормы“, т.-е. до производства только тех продуктов и в таком количестве, что необходимо для потребностей самих мелких хозяев и их семей. Посевная площадь уменьшается, хозяйство крестьян натурализуется, т. к. продукты для обмена не производятся. Это означало, конечно, неизбежную хозяйственную катастрофу для России, как только она от политики осажденной крепости, занятой только войною, обратилась к задачам восстановления и развития своих производительных сил. Россия ведь была весьма капитализированной и стремящейся к социализму страной. Но такое положение вещей, когда все излишки крестьянского хозяйства поступают прямо в распоряжение рабочего государства в обмен на продукты промышленности, без посредничества частных торговцев, есть один из неизбежных и существеннейших пунктов перехода к социализму. Поэтому, в надежде восстановить современем промышленность, опираясь на собираемые по разверстке продукты, Советская власть не торопилась отказываться от имевшейся в ее руках власти над крестьянскими „излишками“. Казалось возможным более коротким путем перейти к социализму, не возрождая частной торговли и промышленности, убитой политикой „военного коммунизма“,—забирая и впредь до возрождения промышленности крестьянские излишки в долг. Казалось возможным подтянуть развитие национализированной промышленности к достигнутому благодаря войне формально социалистическому положению с крестьянским хлебом, сосредоточенным в руках государства. Тем самым удалось бы установить прямой и централизованный товарообмен города и деревни, сосредоточенный в руках коммунистического государства. Тогда осуществилось бы одно из самых основных предварительных условий со-

циализма — централизованная экономическая власть городского пролетариата над разрозненными крестьянскими хозяйствами, при отсутствии в стране частного капитала, как торгового, так и промышленного.

Крестьянство, однако, руководствуясь своим инстинктом и предрассудками мелких собственников, не могло и не хотело понять, почему стеснительная для него продразверстка остается, когда армия демобилизуется и опасности восстановления помещичьей власти и собственности более нет. Свое недовольство политикой правящей партии и недоверие к ней крестьянство выявило в омрачивших весну 21 года вооруженных восстаниях. Восстания эти имели бандитский характер в Тамбовской губернии (Антонов и его шайки), полубандитский-полуполитический (захват власти и реорганизация управления напр., в Тобольске) в западной Сибири, где была прервана важная для снабжения городов хлебом железная дорога; военный бунт крестьянских сыновей — красноармейцев и молодых моряков — в Кронштадте. Движением руководили эс-эры правые и левые и анархисты, а за их спинами, конечно, и кадеты и монархисты. Оно шло под лозунгами „свободы торговли“ и ликвидации диктатуры пролетариата в „форме ли Советов без коммунистов“, или восстановления „демократии“.

При тесной связи в России значительной части рабочего класса России с деревней, колебания крестьянства не могли не отразиться и на городском пролетариате. Но кроме того в начале 1921 года наша промышленность переживала кризис, приведший к остановке работы ряда заводов, пущенных в ход из-за слишком оптимистического расчета топливных и продовольственных возможностей Советской власти. Все это привело к тому, что первые месяцы 1921 года ознаменовались сильным брожением в рабочих массах Питера и Москвы, дошедших до забастовок и демонстраций против Советской власти. В марте 1921 года мы имели вооруженное восстание Кронштадтского гарнизона непосредственно после рабочих волнений в Питере, с трудом ликвидированных путем убеждения.

Колебания среди пролетариата и мелкой буржуазии России отразились и внутри РКП так называемой дискуссией о профсоюзах и возникновением рабочей оппозиции (см. приложение, статью В. Молотова).

Десятый с'езд РКП, учитывая обстановку, одобрил предложенный тов. Лениным переход к так называемой новой экономической политике, заключающейся в допущении свободы производства и обмена продуктов мелких крестьянских хозяйств, обложенных лишь определенным налогом в пользу государства. Государство сохранило за собою крупную промышленность, средства транспорта, монополию внешней торговли и права широкого покровительственного законодательства по отношению к государственной торговле и промышлен-

ности, защищаемым против конкуренции частного капитала. Хозяйственная смычка мелкобуржуазного крестьянского хозяйства и национализированной промышленности должна основываться на добровольном обоюдном обмене продуктами. Борьба с естественно возникающим из мелкобуржуазного крестьянского хозяйства капитализмом ведется путем конкуренции на рынке, где национализированная промышленность имеет не только то преимущество что она — крупная, но и то, что государство налоговой и тарифной своей политикой оказывает ей покровительство.

Такова сущность новой экономической политики, начало которой положено в марте 1921 года решением X с'езда РКП и декретом ВЦИК о продналоге одновременно с подавлением Кронштадтского мятежа.

Новая экономическая политика вырвала почву из-под попыток контр-революционеров использовать крестьянское движение. Тамбовская „антоновщина" выродилась в кулацкий бандитизм и была ликвидирована летом 1921 года.

1921 год — первый год новой экономической политики, был преимущественно посвящен развитию законодательства, вытекающего из ее основных принципов, и развязыванию до определяемых экономической необходимостью пределов стихии частной торговли, промышленности и накопления. Появляется ряд декретов, ликвидирующих пережившие себя антисобственнические, натурализующие и централизующие хозяйство законы военного коммунизма (декреты о сдаче в аренду предприятий, подведомственных ВСНХ, 5 июля 21 г. об отмене ограничения денежного обращения 30 июня 21 г.; об оплате железнодорожных и водных перевозок; ряд декретов о кооперации, о мелкой кустарной промышленности и т. п.). Все это производило впечатление почти непрерывного отступления социализма перед капитализмом, тем более, что пределы действия частного капитала были не сразу ясны и для руководителей нашей политики. Сперва предполагалась преобладающая роль непосредственного государственного обмена продуктов промышленности и сельско-хозяйственных произведений, в системе связей города и деревни; затем, ко времени майской всероссийской партконференции выяснилось, что государству пока не под силу справиться с розничной и оптово-розничной торговлей по деревням, и все надежды были перенесены на кооперацию; а к концу же года выяснилось, что и кооперации сразу не угнаться за частным торговцем, и розничная торговля была временно почти уступлена последнему, с обращением большого внимания на налоговое обложение частной торговли. Это уже было действительно „отступлением", но не от чего либо реально достигнутого, а, главным образом, от первоначальных планов. По существу же 21 год был годом не отступлений от реальных экономических достижений социа-

лизма, а—искания нового пути к социализму, более длинного и извилистого, чем путь военного коммунизма, но зато — пути, ведущего к цели, в то время как неизбежный в свое время старый путь завел в экономический тупик. Вопреки предсказаниям врагов, что экономические уступки приведут Советскую власть к политическому ослаблению, 21 год принес колоссальное усиление позиции Советской власти и Компартии в стране благодаря под'ему доверия к ней крестьян и рабочих. Даже громадный голод в связи с неурожаем 21 года, не поколебал Советской власти, сделавшей все возможное для ослабления последствий неурожая и сохранившей, в общем, свои позиции в крупной промышленности.

VI.

22 год был уже годом реального развития хозяйственной жизни страны на основах новой экономической политики, что ознаменовалось значительным увеличением продукции хлеба и картофеля (1920 г.—1.222 милл. п., 1921—1.220,05 м. п., 1922 г.—2.198,2 м. п.) и повышением продукции национализированной промышленности. Если принять продукцию 1913 г. за 100, то продукция для главных прдуктов будет:

	1920 г.	1921 г.	с 1 окт. 21 г., по 1 окт. 22 г.
Уголь	27	31	34
Нефть	41	42	49
Руда	1,6	1,6	2,2
Мартеновск. производ.	4	4,2	7,4
Хлопч.-бумажн. пряжа	5	7,4	19
Шерстян. пряжа	27	17	27
Льнян. пряжа	38	25	46
Резина	—	16	36

Двадцать второй год обнаружил, что состояние русского хозяйства, с его достаточно уже развившимся рынком, требует перехода от непосредственного товарного к денежному обмену; проводится замена натуральных выдач рабочим и служащим денежными, начинается замена натуральных налогов на крестьянство денежными, законченная вполне уже к 1924 году. В связи с этим, встает вопрос о создании твердой валюты, вместо фантастически упавшего совзнака, что требует перехода на бездефицитный бюджет, не пополняемый эмиссией дензнаков сверх потребностей обращения.

Как известно, благодаря вывозу в 1923 году хлеба и другого сырья в большом количестве за границу, ряду внутренних займов и большой экономии в расходах (сокращение армии, субсидий промышленности и ряда непервоочередных расхо-

дов), в 1923 году удалось выпуском банкнот подготовить к весне 1924 года ликвидацию падающей валюты и затем перейти к твердой золотой валюте, держащейся устойчиво и поныне. Наступившее оживление и оздоровление мирной трудовой и хозяйственной жизни Советских Республик потребовало и введения в определенные, законом утвержденные, формы и самой диктатуры пролетариата, до сих пор действовавшей, в центре и на местах почти исключительно по соображениям революционной целесообразности и пролетарского правосознания, не сформулированным в общеизвестные нормы законов о правах и обязанностях граждан и властей, о порядке суда, о взаимных имущественных и личных отношениях граждан, как собственников и юридических лиц. Вырабатываются кодексы гражданский и уголовный, формы судопроизводства. ЧК заменяется Государственным Политическим Управлением, ведающим лишь политическими делами. За исключением особых случаев, установление виновности и наказания предоставляется трибуналам и народным судам. Издается масса уставов, регулирующих имущественные отношения учреждений и граждан, точные инструкции по организации и управлению промышленностью, банками, по охране труда и т. д.

В связи со всемерным укреплением Советской власти, происходит полевение мелкой буржуазии и буржуазной интеллигенции, выразившееся в окончательном развале меньшевистской и эс-эровской партий, старейшие и всего более близкие к рабочим и крестьянам члены которых массами переходят на сторону Советской власти, покидая свои контр-революционные организации. Для эс-эров толчком к ликвидации своей партии послужил процесс ЦКПСР летом 22 г., обнаруживший прямую связь эс-эровских цекистов с иностранным капиталом и участие их в убийствах и покушениях на вождей пролетариата. Меньшевистские организации ликвидировались преимущественно в 1923 году, в связи с примирением с Советской властью б. меньшевиков Грузии и переходом на позицию коммунизма или, по крайней мере, благожелательного отношения к Советской политике таких видных деятелей РС-ДРП, как Майский, Мартынов, Семковский, Рожков, Ерманский, Суханов и др. Последним по времени проявлением примирения мелкобуржуазной интеллигенции с пролетарской диктатурой является „покаяние“ Б. Савинкова. Но несравненно более значительным, чем отречение от дальнейших попыток бороться с революцией этого злостного бандита-авантюриста, является искреннее сближение с Советской властью честных и полезных тружеников-интеллигентов, близких к народным массам, выявившееся особенно ярко в приветствиях учительства РКП (напр., на XIII-ом с'езде партии). Произошел перелом и в настроениях чисто-буржуазной интелли-

генции. Уже с начала 21 года, наиболее умная часть контр-революционных буржуазных интеллигентов, во главе с Милюковым, сознала безнадежность интервенции против Советской России и необходимость примириться с аграрной революцией, и искать путей к восстановлению капитализма не путем ликвидации Октября, а путем борьбы с пролетариатом, во главе новых собственников земли и капитала: зажиточных крестьян и так называемых „нэпманов" и советских спецов. В середине 21 г. часть буржуазных интеллигентов оформила господствующее среди многих из них, главным образом оставшихся в России, настроение, заявив о своей готовности лояльно работать в условиях Советского режима, не отказываясь от своего буржуазного мировоззрения и надежды на то, что из нэпа вырастет настоящий капитализм. (Сборник „Смена Вех".).

22-й год принес и разложение мощной контр-революционной феодально-царистской организации, сохранившейся на территории Советской России—иерархии православной церкви. Отказ высшего духовенства выдать Советской власти для спасения голодающих церковные ценности привел только к разгрому пролетарским правосудием (процессы весны и лета 22 г.) иерархической верхушки сплоченного вокруг связанного с монархистами патриарха Тихона духовенства. Все это привело к выявлению перед массами контр-революционного и эгоистически своекорыстного лика церкви, и к расколу этой, казавшейся незыблемой, твердыни косности. Часть духовенства, отражавшая настроения мелкой буржуазии, провозгласила „церковную реформацию", на основе отречения от контр-революции, признания Советской власти и демократизации жизни (попы даже говорили о своем социализме). Серьезной реформации произвести не удалось, так как с церковью вообще остались лишь косные и мало связанные с новой общественной жизнью элементы населения, а социализм и религия явно несовместимы. Но дрязги, в которые вылилась „реформация", уронили еще более авторитет церкви, разбили старый, явно контр-революционный, аппарат иерархии и — особенно после „покаяния" Тихона — отняли у контр-революции, властный еще, отсталых трудящихся у авторитет религиозной санкции.

Усиление внутренней хозяйственной и политической мощи Советской власти привело к улучшению ее международного положения. Мирные договорные отношения с соседними мелкими государствами мы установили еще в 1920 году (2 февраля — мир с Эстонией, 12 июля — с Латвией, 12 октября — с Польшей, 14 октября — с Финляндией). В этом же году мы установили дружеские отношения с революционно-националистической Турцией Кемаля-Паши.

В 1921 году мы заключили уже торговый договор с Англией, не признававшей еще тогда официально нашего правительства, но нуждавшейся в торговле с нами. 1922 год

прошел в целом ряде конференций, на которых официально участвовала „непризнаваемая“ Советская Россия, как равноправный участник бесплодных попыток установить политическое и экономическое равновесие в послеверсальской Европе. Однако и в Генуе (10 апреля — 1 мая) и в Гааге (27 июня — 1 июля), как цену за признание и за кредиты, от нас требовали возвращения частным собственникам иностранцам их национализированных имуществ, то-есть отказа от диктатуры пролетариата в экономике, а, следовательно, неизбежно и в политике. На это мы не могли пойти, и переговоры кончились безуспешно, но мы заключили ряд торговых договоров с разными странами Европы, а от Германии в самый момент Генуэзских переговоров получили не только выгодный торговый договор, но и полное дипломатическое признание. Весь 23 год мы вели оживленную торговлю с европейскими государствами, хотя были дипломатически не признаны никем, кроме стран, так или иначе угнетенных или боящихся угнетения империализмом и наших ближайших соседей (Германия, Эстония и другие прибалтийские государства; Турция, Персия, Афганистан, Польша). Ультиматум хотевшего нас спровоцировать на прекращение торговли и, может быть, на войну Керзона, весною 23 года, лишь усилил авторитет Советской Республики, показавшей полное достоинство миролюбие при абсолютной поддержке готовых защищаться с оружием народных масс. Этот ультиматум был одной из причин падения правительства консерваторов в Англии и появления у власти лидера рабочей партии Макдональда, открывшего 24 год признанием СССР. За этим признанием последовал ряд признаний нас со стороны европейских и внеевропейских стран (Италия, Швеция, Норвегия, Греция, Венгрия, Австрия и другие мелкие государства; Мексика, Китай). Из соседей нас не признает пока Румыния; слишком дорого просит за признание (концессии на все богатства сев. Сахалина) Япония. Из других крупных государств лишь только собирается нас признать Франция и пока далеки от признания С.-А. Соединенные Штаты.

23 год обнаружил, однако, несоответствие между двумя основными частями нашей экономической системы — промышленностью и сельским хозяйством. Это несоответствие было отмечено еще Вл. Ильичем в его статьях в конце 22 года о смычке и Рабкрине. Тов. Ленин указывал там, что ускоренный рост нашей промышленности не соответствует медленному росту крестьянского хозяйства, что это несоответствие в результате может привести к разрыву смычки между чересчур обремененными поборами крестьянством и пролетарством. Учитывая это, XII с'езд РКП в 1923 году постановил и сделать более легкими налоги с крестьянства. Но к осени 23 года обнаружилось сильное несоответствие, к ущербу для деревни, цен на продукты сельского хозяйства и на продукты промы-

шленности. Усиленный вывоз излишков хлеба за границу, снижение цен на продукты промышленности путем проверки и уменьшения накладных расходов, и отказа промышленности от чрезмерной прибыли,—привели уже к XIII с'езду РКП к сближению этих так называемых „ножниц". Политика тщательной поверки деятельности хозорганов и вообще аппарата Сов. власти через связанных с массой и с партией членов ЦКК и НКРКИ, указанное Лениным в 22 г. продолжается и дает успешные результаты.

XIII с'езд установил определенную линию поддержки товарнопроизводящего крестьянского хозяйства при упрочении линии союза с бедным и трудовым средним крестьянством (см. приложение резолюцию XIII с'езда). С'езд констатировал значительные успехи кооперации и госторговли, промышленности и финансовой политики Соввласти.

Оздоровление нашего хозяйства и усиление экономической мощи государства сказалось в том, что и неурожай нынешнего года не сорвал нашей финансовой и промышленной политики.

Но мы, в связи с более быстрым, чем поднятие производительности труда, ростом заработной платы, стоим сейчас перед опасностью чрезмерного роста цен на продукты промышленности, что повлечет за собою сокращение рынка для этих продуктов и новый застой товаров и кризис в промышленности. Поэтому ударной задачей является сейчас борьба за под'ем производительности труда в промышленности.

Хозяйственные успехи страны естественно вызвали под'ем доверия к партии и к власти со стороны трудящихся. Полное спокойствие в деревнях даже таких „прославленных" бандитизмом районов, как Южная Украина, доверчивое и благожелательное отношение к Советской власти крестьян и отражающей их настроение сельской интеллигенции, являются одним из самых основных успехов Советской власти.

Доверие к нашей партии городского пролетариата, необычайно сильно проявившееся уже при праздновании в марте 1923 г. двадцатипятилетия РКП, нашло себе реальное выражение в необычайном факте выбора рабочими массами лучших из своей среды в коммунистическую партию во время ленинского набора весною-летом 24 года. Национальный вопрос прочно разрешен созданием СССР (30 октября 1922 г.), как свободного об'единения независимых национальных Советских государств, ни в чем не стесняющих друг друга во внутренней жизни, но об'единенных для борьбы с внешним врагом и взаимной хозяйственной поддержки в социалистическом строительстве.

Основной задачей сейчас на ряду с хозяйственным строительством является для нас вовлечение еще более широких, чем сейчас, масс в дело сознательного хозяйственного и госу-

дарственного строительства. Колоссальный прогресс в деле привлечения масс к организованной и сознательной общественности показала героическая организованная борьба трудящихся Ленинграда с наводнением.

Но чтобы выполнить завет Ильича о вовлечении всех трудящихся до последнего в сознательную общественную жизнь, необходимо распространение просвещения и, в первую очередь, грамотности. В 1924 году мы и начали проводить политику серьезной материальной поддержки государством именно школы грамоты, школы сельской и элементарной городской.

Партия за период Нэпа с одной стороны, провела в конце 1921 г. чистку своих рядов от сомнительных элементов, с другой стороны—усиленно привлекала в свои ряды рабочих. Эта линия подбора своего состава в смысле перевеса рабочих элементов нашла свое окончательное выражение в „Ленинском призыве“ и проверке непролетарских коллективов в 1924 г.

В 1923 г. в партии заметно было некоторое колебание преимущественно мелкобуржуазных элементов в сторону отхода от подлинно ленинской линии в хозяйственных и организационных вопросах, но партия в целом оказалась вполне устойчивой, и партконференция в январе 1924 г. и XIII партс'езд нанесли т.-наз. оппозиции решительное поражение.

II.

Ленин и строительство пролетарского государства.

На долю Владимира Ильича выпало руководить пролетариатом не только в борьбе за установление пролетарской диктатуры, но и в практическом осуществлении этой диктатуры, в создании первого, вполне организованного, пролетарского государства. И гений Ленина получил возможность вполне развернуться именно в эти последние годы его жизни и нашей истории.

Историческая необходимость и революционная сознательность пролетариата России вели его к власти, к решительной борьбе с буржуазией и к попыткам различными путями осуществить наибольшее приближение к социализму. Владимир Ильич Ленин, руководя этой борьбой, сам руководился, с одной стороны, теорией Маркса-Энгельса о диктатуре пролетариата, воскрешенной им из-под пыли оппортунистических истолкований теоретиков 2-го Интернационала и собственными обобщениями из борьбы русских и европейских рабочих, с другой стороны, мысль и деятельность Ленина обусловливались необходимостью приспособить всю тактику к разрешению новых сложных и грозных задач, вставáвших каждую минуту перед правящим пролетариатом, и стремлением использовать все представлявшиеся возможности для осуществления основных задач пролетарского государства.

Ленин так говорит по этому поводу на VIII с'езде РКП, делая отчет ЦК:

„Когда-то Маркс говорил, что заслуга парижских коммунаров в том, что они проводили в жизнь решения, не заимствованные ими из каких-либо предвзятых доктрин, а предписанные фактической необходимостью. Эти слова Маркса по отношению к коммунарам носили характер известной ядовитости, потому что в Коммуне пре-

обладали два течения—бланкистов и прудонистов, и обоим течениям приходилось поступать вопреки тому, чему учила их доктрина. Но мы поступаем согласно тому, чему учил нас марксизм. В то же время политическая деятельность Центрального Комитета в конкретных проявлениях всецело проявлялась и определялась абсолютными требованиями неотложной насущной потребности. Мы должны были сплошь и рядом итти ощупью...“

(Собр. сочин., т. XVI, стр. 101).

Необходимость итти „ощупью“ и экспериментировать совершенно понятна. И трудность найти правильную линию заключалась не только в том, что авангарду русского пролетариата — РКП — приходилось браться за дело установления диктатуры в громадной стране, да еще в невероятно тяжелых условиях неоконченной войны и совершенно разоренного хозяйства. Само по себе дело вообще социалистической революции является необычайно трудным; к власти приходит класс, не имеющий никакой почти подготовки к делу управления обществом и хозяйством, а править ему приходится совсем по-новому, итти непроторенными никем путями к неведомым формам жизни. Если Каутский и другие герои 2-го Интернационала делали отсюда вывод, что нельзя садиться вести паровоз, не научившись ремеслу машиниста, т.-е. не надо и завоевывать власти, пока пролетариат (при капитализме!) не научится править государством и строить социализм, то Троцкий, в книге „Терроризм и коммунизм“, прекрасно выразил другую, революционную точку зрения, говоря, что для того, чтобы научиться ездить верхом, надо предварительно сесть на лошадь и попробовать ехать. Научно точно освещает этот вопрос Владимир Ильич на 7-м с'езде партии:

„Одно из основных различий между буржуазной и социалистической революцией состоит в том, что для буржуазной революции, всегда вырастающей из феодализма, новые экономические организации постепенно создаются в недрах старого строя путем развития хотя бы торговых отношений, которые изменяют постепенно все стороны феодального общества. Перед буржуазной революцией была только одна задача: смести, отбросить, разрушить все путы прежнего общества. Выполняя эту задачу, всякая буржуазная революция выполняет все, что от нее требуется, ибо она в итоге создает товарное производство и усиливает рост капитализма.

В совершенно ином положении стоит социалистическая революция. Чем более отсталой является страна, которой пришлось, в силу зигзагов истории, начать со-

циальную революцию, тем труднее для нее переход от старых капиталистических отношений к социалистическим. Здесь к задачам разрушения прибавляются новые, неслыханной трудности, задачи — организационные.

Если мы легко побеждали калединцев и создали Советскую Республику при сопротивлении, не заслуживающем даже серьезного внимания; если такой ход событий об'ективным предыдущим развитием был предрешен так, что оставалось сказать только последнее слово, сменить вывеску, — вместо: „Совет существует как организация профессиональная", написать: „Совет есть единственная форма государственной власти", — то этот метод совсем не годился по отношению к задачам организационным. Тут мы встретили гигантские трудности. Тут сразу было ясно всем, кто желал бы вдумчиво отнестись к задачам нашей революции, что только тяжелым, долгим путем самодисциплины можно побороть то разложение, которое война внесла в капиталистическое общество, только чрезвычайно тяжелым, долгим, упорным путем можем мы преодолеть это разложение и те элементы этого разложения, которые смотрели на революцию, как на способ отделаться от старых пут, сорвать с нее, что можно.

Эти элементы должны были неизбежно возникнуть в большом числе в мелкокрестьянской стране в момент невероятной разрухи; и с ними предстоит борьба в сто раз более трудная, никакой эффектной позиции не обещающая — борьба, которую мы только-только начали. Мы стоим на первой ступени этой борьбы. Тут нам предстоят тяжелые испытания".

(Т. XV, стр. 124-я след.).

Диктатура пролетариата, помимо колоссальной трудности приучения к управлению совершенно к этому неготовых масс и отыскания новых форм управления в связи с новыми его задачами, представляет еще и ту трудность, что пролетарская революция почти нигде в мире, а тем более в крестьянской России, не может мыслиться в своем чистом виде, как революция только пролетариата. Вместе с пролетариатом и под его руководством, но во имя своих особых целей и со своей особою психологией, восстают и борются разные слои угнетенных — от мелкой буржуазии зажиточного крестьянства, частично интеллигенции и до люмпенов. Будучи, если выделить (абстрагировать) ее основное историческое значение — неограниченной никакими законами властью пролетариата над буржуазией в целях экспроприации последней и социализации всего народного хозяйства, диктатура пролетариата принимает различные конкретные

формы в различных странах, в зависимости от состояния производительных сил, социального состава населения, культурного уровня пролетариата, международной обстановки, наконец исторического прошлого страны. Ленин неоднократно указывал, что для Англии 60—70 г.г. XIX века диктатура пролетариата могла оказаться облеченной в форму демократии, с полюбовной сделкой выкупа „прав“ буржуа на средства производства путем назначения им высоких жалований и пенсий и т. д. Для России же диктатура пролетариата облеклась в формы, которые Ленин во время дискуссии о профсоюзах обозначил следующим образом:

„Рабочее государство есть абстракция. А на деле мы имеем рабочее государство, во-1-х, с той особенностью, что в стране преобладает не рабочее, а крестьянское население, и, во-2-х, рабочее государство с бюрократическим извращением“.

Подробнее диктатуру пролетариата в ее конкретности тов. Ленин так определяет в 1919 году, в предисловии к замечательнейшей своей речи „Об обмане народа лозунгами свободы и равенства“:

„Диктатура пролетариата есть особая форма классового союза между пролетариатом, авангардом трудящихся, и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся (мелкая буржуазия, мелкие хозяйчики, крестьянство, интеллигенция и т. д.) или большинством их, союза против капитала, союза в целях полного свержения капитала, полного подавления сопротивления буржуазии и попыток реставрации с ее стороны, союза в целях окончательного создания и упрочения социализма.

Это особого вида союз, складывающийся в особой обстановке, именно в обстановке бешеной гражданской войны, это союз твердых сторонников социализма с колеблющимися его союзниками, иногда с „нейтральными“ (тогда из соглашения о борьбе союз становится соглашением о нейтралитете), союз между неодинаковыми экономически, политически, социально и духовно классами“.

(Собр. соч., т. XVI, стр. 241).

Понятно, как сложна эта задача движения к целям пролетарской диктатуры при необходимости сохранения союза с непрерывно колеблющейся и часто не понимающей обстановки и путей борьбы мелкой буржуазией, при частой смене обстановки развития революции, при малой культурности пролетарских масс. Такая задача не могла быть ни разрешена

на основании общих теоретических соображений, ни предварительно охвачена во всем ее сложном развитии самым гениальным умом, не только одиночным, но и коллективным. Кто, в самом деле, мог предвидеть длительность гражданской войны, все формы сопротивления буржуазии, сложнейшую историю развития революции на Западе, с ее победами и поражениями? Как можно было даже судить о практических результатах многих мер Советской власти в такой стране, как Россия, раньше, чем результаты этих мер обнаружились на практике? Поэтому Ленин так говорит о значении декретов Советской власти в первые годы ее существования:

> „Наши декреты есть призыв, но не призыв в прежнем духе: „Рабочие, поднимайтесь, свергайте буржуазию!“ Нет, это призыв к массам, призыв их к практическому делу. Вот что важно. Пусть в этих декретах многое негодно, много такого, что в жизнь не пройдет. Но в них есть материал для практического дела, и задача декрета состоит в том, чтобы научить теоретическим шагам те сотни, тысячи, миллионы людей, которые прислушиваются к голосу Советской власти. Это проба практического действия в области социалистического строительства в деревне. Если мы будем так смотреть, тогда из суммы наших законов, декретов и постановлений мы вынесем чрезвычайно много. Мы не будем смотреть на них как на абсолютные постановления, которые надо во что бы то ни стало тотчас же сразу провести“.
>
> (Речь на VIII с'езде РКП „О работе в деревне“. Т. XVI, стр. 149).

Но дело, конечно, было далеко не в „пробности“ отдельных только декретов. Целые периоды Советской политики характеризовались попытками нащупать почву в определенном направлении для наступления на хозяйственные основы капитализма то с одной, то с другой стороны. В одной из самых замечательных своих речей — в речи 25 октября 1921 года, на Московской губернской партийной конференции, — тов. Ленин говорит о неизбежности пробовать разные методы борьбы раньше, чем найти вполне правильный для данного момента. Ошибки при этом неизбежны и необходимы. Владимир Ильич берет пример из области военных операций. Японский генерал Ноги раньше, чем перейти к правильной осаде Порт-Артура, потратил колоссальное количество сил на попытки взять крепость прямой атакой. Неудачи штурмов обнаружили невозможность взять крепость таким путем. Но, пока опыт не был проделан, и самый гениальный полководец не мог быть уверенным в этой невозможности, и, поскольку общая обстановка требовала быстрых действий, постольку он обязан

был попытаться сразу разрешить задачу, разрешить ее прямым штурмом. Так обязаны были и мы попытаться пройти к социализму путем прямого декретирования ликвидации капиталистических отношений и централизации обмена и производства.

Иногда Владимир Ильич, может быть по соображениям агитационного порядка, выражался резче об ошибках Советской власти и партии, но всегда подчеркивал неизбежность и необходимость этих, отнюдь не „позорных", ошибок. Так, в отчете ЦК девятому с'езду РКП мы находим следующие рассуждения Ильича:

> „Мы достаточно наглупили в период Смольного и около Смольного. В этом нет ничего позорного. Откуда было взять ума, когда мы в первый раз брались за новое дело! Мы пробовали так, пробовали этак. Плыли по течению, потому что нельзя было выделить элемента правильного и неправильного — на это надо время".
>
> (Т. XVI, стр. 75).

Но в то же время Ленин никогда не снимал ответственности за ошибки с тех, кто их делал, и не забывал указывать, что опыт ошибок нужно учитывать и, по мере накопления опыта, делать их меньше. В том же отчете Ленин говорит:

> „Нельзя же все время сидеть в приготовительном классе школы! Этот номер не пройдет. Мы теперь взрослые, и нас будут дуть и дуть во всех областях, если мы будем поступать как школьники. Надо итти вперед! Надо с энергией, с единством воли подниматься выше... Если мы этот урок за два года (о профсоюзах и их роли) не усвоим — мы отстали, а отставшие будут биты".
>
> (Там же).

Для диалектика-Ленина из признания исторической обусловленности всех действий социальных групп и в том числе ошибок вытекала необходимость, осознав ошибки, их не повторять, откидывать элементы, обреченные на ошибки, словом, познав законы необходимости, сознательно влиять на историческое развитие. „Суть дела вот в чем: имеет ли сейчас практическое значение признание ошибки, нужно ли сейчас что-нибудь изменять после того, что случилось и случилось неизбежно",—говорит Ленин по поводу ошибки с увлечением методами военного коммунизма, — и отвечает на свой вопрос утвердительно.

Ошибка ошибке рознь. „Ошибки" меньшевиков, вытекая из их социальной природы, неизменно будут у них повто-

ряться в разных вариациях, сводясь всегда к одному: к предательству основных интересов пролетариата и к помощи на деле буржуазии. Ошибки, например, рабочей оппозиции вовсе не свойственны действительному авангарду пролетариата, отражают влияние мелкобуржуазной стихии, показывают шаткость тех, кто их разделяет, и должны быть осуждены и отвергнуты. Другое дело—„ошибки“ Ильича. Во-первых, они исторически были абсолютно неизбежны и так же необходимы, как, беря пример самого Ленина, изготовление японским ученым нескольких сот негодных препаратов противосифилитического лечебного средства, чтобы получить в 606-й раз годный препарат, или как действия генерала Ноги в первый период борьбы под Порт-Артуром. Во-вторых, ошибки Ильича были выражением экономической и политической необходимости действовать в определенном направлении, причем эта необходимость итти определенным путем рассматривалась порою как путь к осуществлению социализма, хотя на деле с этого, пока неизбежного, пути предстояло скоро свернуть на совсем иной... Отсюда—некоторые действия, которые теперь кажутся лишними, нецелесообразными. Но эти увлечения были социально-психологически неизбежны и, в данной сложной обстановке, необходимы для отыскания правильного пути. Сам Владимир Ильич говорит по этому поводу, все в той же речи на Московской губернской партконференции 1921 г., следующее:

„Одним из первых декретов 1917 года был декрет о государственной монополии на об‘явления. Что означает этот декрет? Он означал, что завоевавший государственную власть пролетариат предполагает переход к новым общественно-экономическим отношениям возможно более постепенным — не уничтожение частной печати, а подчинение ее известному государственному руководству, введение ее в русло государственного капитализма. Декрет, который устанавливал государственную монополию на об‘явления, тем самым предполагал, что остаются частно-предпринимательские газеты, как общее явление, что остается экономическая политика, требующая частных об‘явлений, остается и порядок частной собственности—остается целый ряд частных заведений, нуждающихся в рекламах и об‘явлениях. Какова же была судьба декрета о монополизации частных об‘явлений, изданного в первые недели существования Советской власти? Судьба его была такова,что он был сметен совершенно. Припоминая теперь развитие борьбы и условия, в которых она шла с тех пор, смешно по нынешним временам вспомнить о том, насколько мы были наивны, что могли говорить в конце 1917 года о введении государ-

ственной монополии на частные об'явления. Какие частные об'явления могли быть в период отчаянной борьбы?.. Неприятель, то-есть капиталистический мир, ответил на этот декрет продолжением борьбы и доведением ее до высочайшего напряжения, до конца... Нам, которые предложили капиталистам: „подчиняйтесь государственному регулированию, подчиняйтесь государственной власти—и, вместо полного уничтожения условий, соответствующих старым интересам, привычкам, взглядам населения, вы получите постепенное изменение всего этого путем государственного регулирования"—нам был поставлен вопрос о самом нашем существовании... Из декрета о монополизации частных об'явлений не получилось ничего—он остался пустой бумажкой, а жизнь, то-есть сопротивление класса капиталистов, заставила нашу государственную власть всю борьбу перенести в совершенно другую плоскость, не на такие пустяковые, до смешного мелкие вопросы, которыми мы в конце 1917 года имели наивность заниматься, а на вопрос—быть или не быть—сломить саботаж всего служащего класса, отбить армию белогвардейцев, получившую поддержку буржуазии всего мира.

Этот частный эпизод с декретом об об'явлениях дает, мне кажется, полезные указания в основном вопросе об ошибочности или неошибочности старой тактики. Конечно, оценивая сейчас события в перспективе последующего исторического развития, мы не можем не находить этот наш декрет наивным и в известном смысле ошибочным, но в то же время в нем было правильным, что государственная власть—пролетариат—сделала попытку осуществить переход к новым общественным отношениям с наибольшим, так сказать, приспособлением к существовавшим тогда отношениям, по возможности постепенно и без особой ломки. Неприятель же, то-есть класс буржуазии, пустил в ход все приемы, чтобы толкнуть нас на самое крайнее проявление отчаянной борьбы...

Припомните условия развития нашей борьбы—и вы поймете, в чем состояла эта кажущаяся неправильной и случайной смена, почему, опираясь на всеобщий энтузиазм и на обеспеченное политическое господство, мы могли легко совершить разгон учредилки и почему, в то же время, мы должны были испробовать ряд мер для постепенного, осторожного перехода к экономическим пре-

образованиям, почему, наконец, логика борьбы и сопротивление буржуазии заставили нас перейти к самым крайним, к самым отчаянным, ни с чем не считающимся приемам гражданской борьбы, которая разоряла Россию три года.

К весне 1921 года выяснилось, что мы потерпели поражение в попытке „штурмовым" способом, т.-е. самым сокращенным, быстрым, непосредственным, перейти к социалистическим основам производства и распределения... Если такой переход вызывает кой у кого жалобы, плач, уныние, негодование, то надо сказать: не так опасно поражение, как опасна боязнь признать свое поражение, боязнь сделать отсюда все выводы".

(Т. XVIII, ч. I, стр. 392—396).

К этой характеристике тов. Лениным исторической обусловленности и исторического значения „ошибок" его собственных и всего руководящего ядра РКП, т.-е. не столько ошибок, сколько поисков путей к социализму, — прибавить нечего. В свете этих рассуждений становятся понятны идеи Ленина о пролетарском государстве и основных вопросах его внутренней политики. Понятными становятся: правильность основных идей Владимира Ильича о сущности пролетарской диктатуры, разнообразие в разные исторические моменты их конкретного осуществления на практике и, наконец, временная условная правильность суждений и указаний тов. Ленина по отдельным детальным вопросам пролетарской государственной политики.

Одной из главных и важнейших идей Ленина, как вождя коммунистической революции пролетариата, является его взгляд на само завоевание пролетариатом государственной власти. В отличие от теоретиков 2-го Интернационала, полагавших, что революционная партия пролетариата должна сперва завоевать сочувствие большинства населения, а уже потом власть, Ленин, учитывая невозможность при капиталистическом режиме сознательного перехода большинства даже трудящихся на точку зрения революционного социализма, считает, что инициативное революционное меньшинство должно и может, опираясь на стихийную революционность масс, захватить власть. Оно должно уже затем как государственными мероприятиями, направленными к удовлетворению насущных нужд этих масс, так и политическим подавлением буржуазии и агитацией при помощи государственного аппарата, привлечь эти массы на свою сторону не только для восстания против старого мира, но и для строительства нового. Практически осуществив эту, неоднократно кратко выраженную еще в 1917 г. идею, Ленин вполне отчетливо формулирует ее в работе 1920 года: „Выборы в Учредительное Собрание и диктатура пролетариата":

„Господа оппортунисты, в том числе и каутскианцы, „учат“ народ, в издевку над учением Маркса: пролетариат сначала должен завоевать большинство посредством всеобщего избирательного права, потом получить, на основании такого голосования большинства, государственную власть и затем уже, на этой основе „последовательной“ (иные говорят „чистой“) демократии, организовать социализм.

А мы говорим — на основании учения Маркса и опыта русской революции:

Пролетариат должен сначала низвергнуть буржуазию и завоевать себе государственную власть, т.-е. диктатуру пролетариата использовать как орудие своего класса, в целях приобретения сочувствия большинства трудящихся...

Российский пролетариат, завоевав государственную власть, немедленно, через несколько часов, об'явил старый государственный аппарат... распущенным и передал *всю власть Советам.* А в Советы допускались только трудящиеся и эксплуатируемые, при исключении всех и всяческих эксплуататоров.

Таким путем сразу, одним ударом, немедленно после завоевания государственной власти пролетариатом, пролетариат отвоевывает у буржуазии громадную массу ее сторонников из мелкобуржуазных и „социалистических“ партий, ибо эта масса—трудящиеся и эксплуатируемые, которых буржуазия (в том числе и ее подпевалы Черновы, Каутские, Мартовы и К°) обманывала и которые, получив Советскую власть, получают впервые орудие массовой борьбы за свои интересы против буржуазии.

Во-вторых, пролетариат может и должен сразу или, во всяком случае, очень быстро отвоевать у буржуазии и у мелкобуржуазной демократии „их“ массы, т.-е. массы, шедшие за ними — отвоевать посредством революционного удовлетворения их наиболее насущных экономических нужд ценою экспроприации помещиков и буржуазии“.

(Собр. сочин., т. XVI, стр. 448—49).

Второй основной идеей Ленина, заимствованной им у Маркса (которого как раз по этому пункту обкарнали ортодоксальнейшие вожди 2-го Интернационала, вплоть до Каутского и Плеханова), была идея о разрушении пролетариатом старого аппарата буржуазного государства. В сентябре 1917 г., в статье „Удержат ли большевики государственную власть“, Ленин так формулирует эту мысль, впоследствии не раз им повторенную и развитую:

„Овладеть „государственным аппаратом“ и „привести его в движение“ пролетариат не может. Но он может разбить все, что есть угнетательского, рутинного, неисправимо-буржуазного в старом государственном аппарате, поставив на его место свой новый аппарат. Этот аппарат и есть Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов“.

(Т. XIV, ч. II, стр. 228).

Эта идея о ломке старого аппарата, приспособленного к подавлению трудящихся, воплотилась в роспуске старых судов, старой армии, старой милиции, земств, дум, учредилки, в полном перетряхивании бюрократических канцелярий, всего этого аппарата, почти неизмененного февральской буржуазной революцией в России, как он не был изменен и германской революцией 1918 года, выродившейся в буржуазную.

Ленин, руководствуясь своим обобщением опыта двух русских революций, указал на конкретную форму пролетарской государственности — Советы. В той же статье „Удержат ли большевики“ и т. д. Ленин так перечисляет выгоды советской формы организации пролетарской власти:

„Советы есть новый государственный аппарат, дающий, во-первых, вооруженную силу рабочих и крестьян, при чем эта сила не оторвана от народа, как сила старой постоянной армии, а теснейшим образом с ним связана; в военном отношении эта сила несравненно более могучая, чем прежняя; в революционном отношении она незаменима ничем другим. Во-вторых, этот аппарат дает связь с массами, с большинством народа, настолько тесную, неразрывную, легко проверимую и возобновляемую, что ничего подобного в прежнем государственном аппарате нет и в помине. В-третьих, этот аппарат, в силу выборности и сменяемости его состава по воле народа, без бюрократических формальностей, является гораздо более демократическим, чем прежние аппараты. В-четвертых, он дает крепкую связь с самыми различными профессиями, облегчая тем различнейшие реформы самого глубокого характера, без бюрократии. В-пятых, он дает форму организации авангарда, т.-е. самой сознательной, самой энергичной, передовой части угнетенных классов рабочих и крестьян, являясь, таким образом, аппаратом, посредством которого авангард угнетенных классов может поднимать, воспитывать, обучать и вести за собой всю гигантскую массу этих классов, до сих пор стоявшую совершенно вне политической жизни, вне истории. В-шестых, он дает возможность соединить выгоды парламентаризма с выгодами непосредственной и прямой

демократии, т.-е. соединить, в лице выборных представителей народа, и законодательную функцию и исполнение законов. По сравнению с буржуазным парламентаризмом, это такой шаг вперед в развитии демократии, который имеет всемирно-историческое значение"

(Т. XIV, ч. II, стр. 228).

Прошедшие со времени написания этих строк семь лет целиком подтвердили на практике все эти положения Ленина. Развивая дальше идеи Маркса, высказанные по поводу опыта Парижской Коммуны, Ленин указывает на то, что при советской форме правления осуществимы: и централизация, необходимая для пролетарского государства, и, с другой стороны, упразднение стоящего над массами бюрократического иерархического аппарата, фактически безответственного, ибо неподчиненного местным, выбранным народом, властям. Этот аппарат усовершенствован особенно во Франции, где буржуазия научилась, более чем за сто лет смены революции и контрреволюции, образцово обманывать народ внешней оболочкой демократизма при сохранении полумонархического всевластия своих доверенных лиц и верно служащих буржуазии сотен тысяч чиновников.

Централизованное государство возникает как свободный союз революционных „коммун" или автономных территориальных об'единений, управляемых Советами.

Пролетариату необходима государственная власть, централизованная организация силы, организация насилия — и для подавления сопротивления эксплуататоров и для руководства громадной массой населения — крестьянством, мелкой буржуазией, полупролетариями, в деле „налаживания" социалистического хозяйства...

„Маркс — централист. И в приведенных его рассуждениях нет никакого отступления от централизма. Только люди, полные мещанской „суеверной веры" в государство, могут принимать уничтожение буржуазной машины за уничтожение централизма.

Ну, а если пролетариат и беднейшее крестьянство возьмут в руки государственную власть, организуются вполне свободно по коммунам и об'единят действие всех коммун в ударах капиталу, в разрушении сопротивления капиталистов, в передаче частной собственности на железные дороги, фабрики, землю и прочего всей нации, всему обществу — разве это не будет централизмом? Разве это не будет самый последовательный демократический централизм? И притом пролетарский централизм.

Бернштейну просто не может прийти в голову, что возможен добровольный централизм, добровольное об'еди-

нение коммун в нацию, добровольное слияние пролетарских коммун в деле разрушения буржуазного государства и буржуазной государственной машины. Бернштейну, как и всякому филистеру, централизм рисуется как нечто, только сверху, только чиновничеством и военщиной, могущее быть навязанным и сохраненным".

(Т. XIV, ч. II, 338 след.).

Советское государство, основано на добровольном союзе отдельных республик, на автономии всех национальных областей, на полновластии в местных делах выборных советских органов, на выборности местными советами всех управляющих местными отделами центральных ведомств. Эти управляющие подчинены центру, но в плане заданий и контроля подведомственны и местным исполкомам. Такая административная система и есть воплощение в жизни идеи Маркса-Ленина о пролетарском централизме.

Уже из вышеприведенных цитат видно, как для Ленина, со всеми соображениями о Советах, как наилучшей форме осуществления пролетарской диктатуры, и о совмещении „власти на местах" и централизма, соединяется ещё одна идея. Эта идея, наиболее для Ленина важная и наиболее трудно и сложно осуществимая является сущностью и живой душой всей теории и тактики пролетарской диктатуры. Идея эта сводится к простому, на первый взгляд, положению, формулированному Лениным однажды так: „Сознательные рабочие должны руководить, но привлечь к делу управления они в состоянии настоящие массы трудящихся и угнетенных". Если сказать, в согласии с обычным смыслом высказываний Ленина по этому поводу — „в состоянии и обязаны", то мы получим самую краткую и простую формулировку ленинской идеи о Советском государстве, как государстве масс, где каждый трудящийся, где самый угнетенный из эксплуатируемых должен быть привлечен к делу государственного управления и научиться управлять и где сознательный авангард трудящихся — коммунисты — должны твердо держать в своих руках руководство государственной политикой.

Перед Лениным, прежде всего, еще до завоевания власти, стоял вопрос о том, как справиться с управлением государством в самом начале существования пролетарской диктатуры, когда аппарат ещё не налажен, прочное сочувствие масс не завоевано, массы не организованы. В статье „Удержат ли большевики государственную власть" Ленин отвечает на этот вопрос так:

„Пролетариат не сможет, говорят нам, привести в движение государственный аппарат.

Россией управляли после революции 1905 года 130.000 помещиков, управляли посредством бесконечных

насилий над 150 миллионами людей, посредством безграничных издевательств над ними, принуждением огромного большинства к каторжному труду и полуголодному существованию.

И Россией, будто бы, не смогут управлять 240.000 членов партии большевиков, управлять в интересах бедных и против богатых? Эти 240.000 человек имеют для себя уже теперь не менее одного миллиона голосов взрослого населения, ибо именно такое соотношение числа членов партии к числу подаваемых за нее голосов установлено опытом Европы и опытом России, хотя бы, например, августовскими выборами в питерскую Думу. Вот у нас уже „государственный аппарат“ в один миллион людей, преданных социалистическому государству идейно, а не ради получения двадцатого числа ежемесячно крупного куша“.

Следом за этими соображениями Ленин приводит наглядную иллюстрацию деятельности будущего государства, как эта деятельность тогда представлялась Владимиру Ильичу:

„Мало того, у нас есть „чудесное средство“ — сразу, одним ударом, удесятерить наш государственный аппарат — средство, которым ни одно капиталистическое государство никогда не располагало и располагать не может. Это чудесное дело — привлечение трудящихся, привлечение бедноты к повседневной работе управления государством.

Чтобы пояснить, как легко применимо это чудесное средство, как безошибочно его действие, возьмем более простой и наглядный пример.

Государству надо выселить из квартиры принудительно определенную семью и поселить другую. Это делает сплошь да рядом капиталистическое государство, это будет делать и наше пролетарское или социалистическое государство.

Капиталистическое государство выселяет семью рабочего, потерявшую работника и не внесшую платы. Является судебный пристав, полицейский или милицейский, целый взвод их. В рабочем квартале, чтобы произвести выселение, нужен отряд казаков. Почему? Потому что пристав и „милицейский“ отказываются итти без военной охраны очень большой силы. Они знают, что сцена выселения вызывает такую бешеную злобу во всем окрестном населении, в тысячах и тысячах доведенных почти до отчаяния людей, такую ненависть к капиталистам и к капиталистическому государству, что пристава и взвод милицейских могут ежеминутно разорвать в клочки. Нужны большие военные силы, надо

привести в большой город несколько полков непременно из какой-нибудь далекой окраины, чтобы солдатам была чужда жизнь городской бедноты, чтобы солдат не могли „заразить“ социализмом.

Пролетарскому государству надо принудительно вселить крайне нуждающуюся семью в квартиру богатого человека. Наш отряд рабочей милиции состоит, допустим, из пятнадцати человек: два матроса, два солдата, два сознательных рабочих (из которых пусть только один является членом нашей партии или сочувствующий ей), затем один интеллигент и восемь человек из трудящейся бедноты, непременно не менее пяти женщин прислуги, чернорабочих и т. п. Отряд является в квартиру богатого, осматривает ее, находит пять комнат на двоих мужчин и двух женщин. — „Вы потеснитесь, граждане, в двух комнатах на эту зиму, а две комнаты приготовьте для поселения в них двух семей из подвала. На время, пока мы, при помощи инженеров (вы, кажется, инженер?), не построим хороших квартир для всех, вам обязательно потесниться. Ваш телефон будет служить на десять семей. Это сэкономит часов сто работы, беготни по лавочкам и т. п. Затем, в вашей семье двое незанятых полурабочих, способных выносить мелкий труд: гражданка 55 лет и гражданин 14 лет. Они будут дежурить ежедневно по три часа, чтобы наблюдать за правильным распределением продуктов для десяти семей и вести необходимые для этого записи. Гражданин студент, который находится в нашем отряде, напишет сейчас в двух экземплярах текст этого государственного приказа, а вы будете любезны выдать нам расписку, что обязуетесь в точности выполнять его.

Таково могло быть на мой взгляд представленное на наглядных примерах соотношение между старым буржуазным и новым социалистическим государственным аппаратом и государственным управлением“.

Мы знаем, что и сейчас мы еще далеки от такого идеального слияния государства и общества, аппарата принуждения с самим трудящимся народом, от этого состояния, когда государство стало уже не вполне государством, как это предвидели Маркс и Ленин. Мы имеем милицию, мы только ей доверяем насильственное принуждение граждан к выполнению воли государства. Реальная обстановка страны, с преобладанием мелкобуржуазных форм хозяйства, с непривычной к организации и малокультурной массой населения, страны, разоренной войною, страны, вынужденной итти к социализму медленными и обходными путями,—преломила в иных формах, чем рисовалось Ленину в 1917 году, государственное господство

пролетариата над буржуазией. Но хотя медленно и с отходами в сторону, мы все же идем к массовому вовлечению самых глубоких толщ трудящихся и угнетенных в дело государственного управления, в дело коллективного творчества нового общественного и бытового порядка. Мы имеем „домкомы“, в которых идет острая и победоносная классовая борьба пролетариев с буржуазными элементами, и которые ведут классовую жилищную политику в рамках закона, если они удачно организованы, так же решительно, как „пятнадцать трудящихся“ ленинского примера. Наши комсомольцы и пролетарии-студенты, выполняющие с искренним классово-сознательным под'емом и пылом вспомогательную государственную работу, как напр., по обследованию безработных и выявлению среди них нэпманов — это приближение к тому, что предвидел Ильич в 17 году. Наши деревенские комсомольцы, очень часто гораздо тверже и зорче стоящие на страже советской законности и коммунистической политики в деревне, чем местные органы власти — это тоже много обещающий намек на будущее. И может быть, не так далеко это будущее, когда новые, коммунистической общественностью и советской властью воспитанные, поколения осуществят своей сознательностью и организованностью первый шаг к отмиранию государства, т.-е. ликвидацию отдельного от общества аппарата подавления, обособленной от народа бюрократии, армии, полиции. Так через опыты с милиционными дивизиями и терчастями мы идем ко всеобщему военному обучению трудящихся и к ликвидации постоянной армии, кроме кадров. Пролетарское государство, в его чистой „абстрактной“ форме, без постоянной армии, без милиции, без бюрократии, оказалось не так быстро осуществимым в отсталой России, как казалось в 17 году, но мы приближаемся к этому идеалу.

И во всяком случае наша рабоче-крестьянская армия, с ее рабоче-крестьянским комсоставом, армия, живущая одной политической жизнью с трудящимся населением, ближе к идеалу вооруженного народа, чем к армии буржуазной или царской. Наша милиция, совсем не чуждая и не враждебная рабочим районам, милиция, представляемая дружески и товарищески связанным с рабочими милиционером из их среды, конечно, несравненно ближе к отряду ленинского примера, чем к „фараонам“ царя или полицейским буржуазных стран. Если же в деревне или уездном городишке, на фоне крестьянской темноты или мещанской запуганности, какой-нибудь зарвавшийся милицейский наводит на всех трепет и подражает манерами чуть ли не уряднику, то это лишь значит, что нужно бороться бюрократически с „бюрократическими извращениями“ рабочего государства в крестьянской стране. Ленин предвидел все трудности осуществления своих идей, он писал в 17 же году:

„Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка неспособны сейчас же вступить в управление государством. В этом мы согласны и с кадетами, и с Брешковской, и с Церетелли. Но мы отличаемся от этих граждан тем, что требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто управлять государством, нести будничную, ежедневную работу управления в состоянии только богатые или из бедных семей взятые чиновники, мы требуем, чтобы обучение делу государственного управления велось сознательными рабочими и солдатами и чтобы начато было оно немедленно; т.-е. к обучению этому немедленно начали привлекать всех трудящихся, всю бедноту".

(Т. XIV, ч. II, стр. 238).

И эту свою основную идею Ленин не уставал непрерывно развивать и в 17, и в 18, и в следующих годах, все время приводя в пользу ее новые аргументы, детализируя ее, развивая ее в разных формах, отыскивая все новые пути к ее осуществлению.

Приведем лишь один-два примера этих многочисленных высказываний Ленина о привлечении всех трудящихся, до последнего, к делу управления:

„Чем больше будет организация, чем шире она проявится, чем лучше сумеют рабочие на заводах и фабриках понять, что сила только в организации их деревенской бедноты, тем вернее будет дело борьбы с голодом и дело борьбы за социализм, ибо, повторяю, наша задача не в том, чтобы выдумать новую власть, а чтобы каждого представителя деревенской бедноты в глухой деревне поднять, просветить, организовать для самостоятельных действий".

(Речь на VI конференции фабр.-зав. комитетов в 1918 году).

„Ваши ф.-з. комитеты должны перестать быть только заводскими комитетами, они должны стать основными государственными ячейками господствующего класса".

(Там же).

В связи с этой основной идеей о необходимости возбудить общественную инициативу каждого трудящегося, привлечь массы к строительству общественной жизни, к интересу к своему общему хозяйству и к нуждам своего государства,— Ленин пред'являет к нашим газетам требования заниматься доступными и интересными для трудящихся вопросами практической жизни.

„Побольше экономики. Но экономики не в смысле „общих“ рассуждений, ученых обзоров, интеллигентных планов и тому подобной дребедени, которая, к сожалению, слишком часто является именно дребеденью. Нет, экономика нужна нам в смысле собирания, тщательной проверки и изучения фактов действительного строительства новой жизни. Есть ли на деле успехи крупных фабрик, земледельческих коммун, комитетов бедноты, местных совнархозов в строительстве новой экономики? Каковы именно эти успехи? Доказаны ли они? Нет ли тут побасенок, хвастовства интеллигентских обещаний („налаживается“, „составлен план“, „пускаем в ход силы“, „теперь ручаемся“, „улучшение несомненно“ и т. п. шарлатанские планы, на которые „мы“ такие мастера)?

Чем достигнуты успехи? Как сделать их более широкими?

Черная доска остальных фабрик после национализации, оставшихся образцом разброда, распада, грязи, хулиганства, тунеядства — где она? Ее нет. А такие фабрики есть. Мы не умеем выполнять своего долга, не ведя войны против этих „хранителей традиций капитализма“. Мы не коммунисты, а тряпичники, пока мы молча терпим такие фабрики. Мы не умеем вести классовой борьбы в газетах так, как ее вела буржуазия. Припомните, как великолепно травила она в прессе ее классовых врагов, как издевалась над ними, как позорила их, как сживала их со света. А мы? Разве классовая борьба в эпоху перехода от капитализма к социализму не состоит в том, чтобы охранять интересы рабочего класса от тех горсток, групп, слоев рабочих, которые упорно держатся традиций, привычек капитализма и продолжают смотреть на Советское государство попрежнему: дать „ему“ работы поменьше и похуже — содрать с „него“ денег побольше? Разве мало таких мерзавцев хотя бы среди наборщиков советских типографий; среди сормовских и путиловских рабочих и т. д?..

Сколько из них мы поймали, сколько изобличили, сколько пригвоздили к позорному столбу“.

(„О характере наших газет“, 20 сентября 1918 года. Т. XV, I, стр. 418).

Наши отделы „Рабочей жизни“ и особенно имеющий колоссальную будущность институт рабкоров и крестьянских корреспондентов—это начало осуществления заветов Ильича.

Упорство Ленина в отстаивании и раз‘яснении идеи о необходимости привлекать к делу управления все более широкие массы об‘ясняется тем, что вовлечение целиком масс трудящихся в сознательную общественную жизнь, в строительство

нового строя жизни и есть осуществление социализма и затем коммунизма на практике. Ленин говорит об этом в 1919 г.:

„Коммунизм начинается там, где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд забота рядовых рабочих об увеличении производительности труда, об охране каждого пуда хлеба, угля, железа и других продуктов, достающихся не работающим лично и не их „ближним", а „дальним", т.-е. всему обществу в целом, десяткам и сотням миллионов людей, об'единенных сначала в одно капиталистическое государство, потом — в Союз Советских Республик".

(Т. XVI, стр. 255).

Но перед Лениным и до завоевания власти — теоретически, и после этого завоевания — ежеминутно на практике вставал другой важный вопрос государственного управления и хозяйственного строительства социализма. Это был вопрос об использовании оставшихся в наследие от буржуазного строя культурных сил: служащих буржуазного государства и капиталистического аппарата управления хозяйством, специалистов, техников, ученых, организаторов хозяйства и управления, в том числе и самих бывших хозяев-буржуа. В 1917 году тов. Ленину правильно представляется, что:

„Огосударствление массы служащих банковых, синдикатских, торговых и прочее и прочее — есть задача вполне осуществимая и технически (благодаря предварительной работе, выполненной для нас капитализмом и финансовым капитализмом) и политически, при условии контроля и надзора Советов".

(„Удержат ли б-ки гос. власть". Т. XIV, ч. II, стр. 232).

Это теперь осуществлено, но после усмирения саботажа этих служащих, оказавшихся теснее связанными с капитализмом, чем казалось перед Октябрьской революцией. Впрочем, Лениным и до захвата власти саботаж предвиделся со стороны верхов служащих.

„А с высшими служащими, которых очень немного, но которые тянут к капиталистам, придется поступить как с капиталистами — „по строгости". Они, как и капиталисты, окажут сопротивление. Это сопротивление надо будет сломить, и если бессмертно-наивный Пешехонов лепетал еще в июне 1917 года, как настоящий „государственный младенец", что „сопротивление капиталистов сломлено", то эту детскую фразу, ребячью по-

хвальбу, мальчишескую выходку пролетариат осуществит в серьез".

(Там же).

Ленин предуказывал и пути борьбы с саботажем, указывая для этого прежде всего те средства, которые давала жизнь, т.-е. революционный под'ем масс угнетенных старым строем и хлебную монополию и карточную систему, делающую государство хозяином над „желудком" враждебных классов.

„Это мы сделать можем, ибо речь идет о сламывании сопротивления ничтожного меньшинства населения, буквально горстки людей, за каждым из которых союзы служащих, профессиональные союзы, потребительские общества и Советы учредят такой надзор, что всякий Тит Титыч будет окружен, как француз под Седаном. Этих Тит Титычей мы знаем поименно: достаточно взять списки директоров, членов правления, крупных акционеров и т. п. Их несколько сот — самое большое несколько тысяч на всю Россию, к каждому из них пролетарское государство, с аппаратом Советов и союзов служащих и т. д., может приставить и по десятку и по сотне контролеров, так что даже, вместо „сламывания сопротивления", удастся, пожалуй, посредством рабочего контроля (за капиталистами), сделать какое бы то ни было сопротивление невозможным.

Хлебная монополия, хлебная карточка, всеобщая трудовая повинность являются в руках пролетарского государства, в руках полновластных Советов самым могучим средством учета и контроля — таким средством, которое, будучи распространено на капиталистов и на богатых вообще, будучи применено к ним рабочими, даст невиданную еще в истории силу „приведения в движение" государственного аппарата для преодоления сопротивления капиталистов, для подчинения их пролетарскому государству. Это средство контроля и принуждения к труду посильнее законов Конвента и его гильотины. Гильотина только запугивала, только сламывала активное сопротивление. Нам этого мало.

Нам этого мало. Нам надо не только „запугать" капиталистов в том смысле, чтобы они чувствовали всесилие пролетарского государства и забыли думать об активном сопротивлении ему. Нам надо сломить и пассивное — несомненно еще более опасное и вредное — сопротивление. Нам надо не только сломить какое бы то ни было сопротивление. Нам надо заставить работать в новых организационно-государственных рамках. Недостаточно „убрать вон" капиталистов, убрать вон негодных,

безнадежных „сопротивленцев“, надо поставить их на новую государственную службу. Это относится и к капиталистам и к известному верхнему слою буржуазной интеллигенции, служащих и т. д.

И мы имеем средства для этого. Нам дало для этого средства и оружие в руки само воюющее капиталистическое государство. Это средство — хлебная монополия, хлебная карточка, всеобщая трудовая повинность. „Кто не работает,—тот не должен есть“— вот основное первейшее и главнейшее правило, которое могут ввести в жизнь и введут Советы Рабочих Депутатов, когда они станут властью“.

(Там же, стр. 232—234).

На практике борьба пошла более сложным путем. На меры принуждения к труду буржуазия и буржуазная интеллигенция ответили ожесточенной и упорной контр-революционной борьбой в различных формах. Спекуляция, вызванная к жизни скудостью продовольственных ресурсов государства и поддержанная малой организованностью трудящегося народа, сильно ослабила действие „карточки“. Пролетарский надзор за буржуазией, террор по отношению к ней, конфискация ее имущества, трудовая повинность, строгие меры против спекуляции — послужили, главным образом, для того, чтобы сломить контр-революцию внутри советской страны. Кроме того, после тягот существования в эпоху военного коммунизма, буржуазные элементы, оставшиеся в России, довольно легко и „всерьез“ приняли в 21 году те условия капитуляции, то-есть перехода на службу к рабочему государству, которые они отвергли в 18 году, когда еще силы контр-революции не были сломлены и привычка к полноте буржуазного господства была слишком сильна в буржуа и в буржуазных интеллигентах. Они ведь еще не испытали тогда всех „удовольствий“ — „мешечничества“, подпольной покупки хлеба и продажи ценностей, концентрационных лагерей и принудительной уборки улиц. К службе Советскому государству спецов принуждает и ныне тот же имеющийся у государства „хлеб“, но в более утонченной форме жалованья, льгот по налогам и квартирной плате и т. д., которые дает своим служащим государство. Рабочий контроль над буржуа и спецами осуществляется в более скрытой и менее широкой (никто не заглядывает внутрь их жилищ), но зато более систематической и глубокой форме контроля со стороны организованного в государственные и профессиональные учреждения пролетариата.

Но Ленин, кроме террора и принуждения, всегда выдвигал и более плодотворный способ „приручения“ спецов: необходимость их идейно и материально заинтересовать в практической работе Советского государства.

„Нам надо сейчас же, не ожидая поддержки от других стран, поднять производительные силы; сделать это без буржуазных специалистов нельзя. Это надо раз навсегда сказать; конечно, большинство этих специалистов насквозь проникнуты буржуазным миросозерцанием. Их надо окружить атмосферой товарищеского сотрудничества, рабочими комиссарами, коммунистическими ячейками, поставить их так, чтобы они не могли вырваться, но дать им возможность работать в лучших условиях, чем при капитализме, ибо этот слой, воспитанный буржуазией, иначе работать не станет. Заставить работать из-под палки целый слой нельзя. Эти люди привыкли к культурной работе, они двигали ее в рамках буржуазного строя, то-есть обогащали буржуазию огромными материальными приобретениями, а для пролетариата уделяли их в ничтожных дозах. Но они все-таки двигали культуру, в этом состояла их профессия; поскольку они видят, что рабочий класс выдвигает организованные передовые слои, которые не только ценят культуру, но и помогают проводить ее в массах, они меняют свое отношение к нам. Когда врач видит, что в борьбе с эпидемиями пролетариат поднимает самодеятельность трудящихся, он относится к нам совершенно иначе. У нас есть большой слой этих буржуазных врачей, инженеров, агрономов, кооператоров, и когда они увидят на практике, что пролетариат вовлекает в это дело все более широкие массы, они будут побеждены морально, а не только политически отсечены от буржуазии. Тогда наша задача станет легче, тогда они будут сами собой вовлечены в наш аппарат, сделаются его частью. Для этого итти на жертвы необходимо. Для этого заплатить хотя бы два миллиарда — пустяки. Бояться этой жертвы было бы ребячеством, ибо значило бы не понимать тех задач, которые стоят перед нами“.

(Т. XVI, стр. 125).

В тесной связи с использованием старых чиновников и специалистов, с недостаточной сознательностью и организованностью рабочих масс стоит и вопрос о бюрократизме, этой язве Советского государства. Ленин об‘ясняет происхождение бюрократизма:

„У нас другой экономический корень бюрократизма— раздробленность, распыленность мелкого производителя, его нищета, некультурность, бездорожье, безграмотность, отсутствие оборота между земледелием и промышленностью, отсутствие связи и взаимодействия между ними. В громадной степени—это результат гражданской войны... „Запереть“ всякий оборот в осажденной крепости можно

и должно: при особом героизме масс это можно перенести три года. После этого разорение мелкого производителя еще усилилось, восстановление крупной промышленности еще оттянулось, отсрочилось. Бюрократизм, как наследие „осады", как надстройка над распыленностью, придавленностью мелкого производителя, обнаружил себя вполне".

(„О продналоге", т. XVIII, ч. I, стр. 292—3).

Еще в 1919 году Ленин указывал пути борьбы с бюрократизмом, которыми мы идем еще и сейчас:

„Бороться с бюрократизмом до конца, до полной победы можно лишь тогда, когда все население будет участвовать в управлении. В большинстве республик это было не только невозможно, но и противозаконно. Самые лучшие буржуазные республики, как бы демократичны они ни были, имеют тысячи законодательных помех, которые препятствуют участию трудящихся в управлении. Этих помех у нас не осталось, но до сих пор мы не достигли того, чтобы трудящиеся массы могли участвовать в управлении. Кроме закона, есть культурный уровень, который никакому закону не подчинен. Благодаря этому низкому культурному уровню Советы, будучи по своей программе органами управления через трудящихся, на самом деле являются органами управления для трудящихся через передовой слой пролетариата, но не через трудящиеся массы.

Здесь перед нами задача, которую нельзя решить иначе, как длительным воспитанием. Сейчас эта задача непомерно трудна, потому что, как мне раз случалось указывать, слой рабочих, которые управляют, невероятно тонок. Мы должны получить подмогу; по всем признакам — такой резерв внутри страны растет".

(Речь о партийной программе на VIII с'езде РКП т. XVI, стр. 127—8).

Передовые части этого резерва подошли на наших глазах в виде „Ленинского призыва". Вспомогательным отрядом являются рабкоры, кресткоры и, разбуженные неоднократными призывами Ильича (в том числе и предсмертными письмами о рабкрине, этом постоянном предмете забот Ленина), всякие рабочие и крестьянские ячейки содействия, всякие организации контроля трудящихся, делегатки от беспартийных работниц и крестьянок. Так работает все больше в глубь аппарат пролетарской диктатуры. Аппарат этот был определен Лениным в 1921 году, как сложная система взаимодействия авангарда пролетариата, т.-е. партии, ведущей за собой массу пролетариата, организованного в профсоюзы и руководящего через Советы всей почти стомиллионной массой крестьян и дру-

гих трудящихся. От вопросов военной обороны, политического подавления врагов, выработки общих принципов хозяйственного строительства мы все более переходили к вполне практическим вопросам хозяйственного, культурного, бытового переустройства нашей жизни на началах социализма и приближаемся к идеалу, указанному Лениным в 1920 году на VIII с'езде Советов,— к тому порядку вещей, когда политиков на трибунах Советов сменят агрономы и инженеры, которые подведут техническую базу под социалистический строй.

И как завет, дающий руководящие указания для нашей работы, еще и сейчас звучат слова Ильича, написанные им в 1918 году, когда он думал, что гражданская война кончена на сравнительно долгое время разгромом первых белых шаек на Дону.

„На очередь дня выдвигается восстановление разрушенных войной и хозяйничаньем буржуазии производительных сил; излечение ран, нанесенных войной, поражением войне, спекуляцией и попытками буржуазии восстановить свергнутую власть эксплуататоров; экономический под'ем страны; прочная охрана элементарного порядка. Может показаться парадоксом, но на самом деле, в силу указанных об'ективных условий, является совершенно несомненным, что Советская власть в данный момент может упрочить переход России к социализму только в том случае, если практически решит, вопреки противодействию буржуазии, меньшевиков и правых эс-эров, именно эти самые элементарные и элементарнейшие задачи сохранения общественности. Практическое решение этих элементарнейших задач и преодоление организационных трудностей первых шагов социализма является теперь, в силу конкретных особенностей данного положения и при существовании Советской власти с ее законами о социализации земли, рабочим контролем и проч., двумя сторонами одной медали.

Веди аккуратно и добросовестно счет денег, хозяйничай экономно, не лодырничай, не воруй, соблюдай строжайшую дисциплину в труде — именно такие лозунги, справедливо осмеивавшиеся революционными пролетариями тогда, когда буржуазия прикрывала подобными речами свое господство, как класса эксплуататоров, становятся теперь, после свержения буржуазии, очередными и главными лозунгами момента. И практическое проведение в жизнь этих лозунгов массой трудящихся является, с одной стороны, единственным условием спасения страны, до полусмерти истерзанной империалистической войной и империалистическими хищниками (с Керенским во главе), а с другой стороны — практическое проведение в жизнь этих лозунгов Советской властью, ее методами,

на основании ее законов, является необходимым и достаточным для окончательной победы социализма. Этого-то и не умеют понять те, кто презрительно отмахивается от выдвигания на первый план столь „избитых и тривиальных“ лозунгов.

(„Очередные задачи Сов. власти“, апрель, 1918 г., т. XV, стр. 196 и след.).

Немало гениальных соображений было развито Вл. Ильичем и для обоснования необходимости ограничения формально-демократических принципов свободы и равенства в эпоху диктатуры пролетариата. Эта эпоха включает в себя и период прямой борьбы с сопротивляющейся национальной буржуазией и с поддерживающей ее военной силой буржуазией иностранной, и более длительный период борьбы с колебаниями и анархичностью мелкобуржуазных масс, и с собственническими пережитками, и с некультурностью и неорганизованностью даже пролетарской части трудящихся. Но эти мысли Ильича более всего известны и легче всего понятны. Поэтому мы здесь ограничимся лишь напоминанием важнейших мест одной из лучших работ Ленина о диктатуре пролетариата и о демократии.

Это—речь на с'езде по внешкольному образованию 19 мая 1919 года „Об обмане народа лозунгами свободы и равенства“, (Собр. сочин., т. XVI), где Ленин говорит:

„Свобода, нечего говорить, для всякой революции — социалистической ли, или демократической — это есть лозунг, который очень и очень существенен. А наша программа заявляет: свобода, если она противоречит освобождению труда от гнета капитала—есть обман“ (стр. 203).

„Мы говорим всякому: кто в момент, когда дело дошло до свержения власти капитала во всем мире или хотя бы в одной стране, кто в такой исторический момент, когда на первый план выступает борьба угнетенных трудящихся классов за полное свержение капитала, за полное уничтожение товарного производства, все, кто в такой политический момент обращается со словом „свобода“ вообще, кто во имя этой свободы идет против диктатуры пролетариата, — тот помогает эксплуататорам и ничего больше. Он их сторонник, потому что свобода, если она не подчиняется интересам освобождения труда от гнета капитала, есть обман, как это мы в своей партийной программе заявили прямо“.

(Стр. 203—204).

„Но ваша свобода такова, что это есть свобода на бумаге, а не на деле. Это значит, что, если в больших городах бывают большие залы, в роде этой, они принадлежат капиталистам, помещикам, называются, например, залами „Благородного Собрания“. Вы можете свободно соби-

раться, граждане Российской Демократической Республики, но это — частная собственность, извините пожалуйста, нужно уважать частную собственность, иначе вы будете большевиками, преступниками, разбойниками, грабителями, озорниками. А мы говорим: „Мы это перевернем... Это здание из „Благородного Собрания" мы сперва сделаем зданием рабочих организаций, а потом поговорим о свободе собраний".

(Стр. 205).

„Энгельс был тысячу раз прав, когда писал: понятие равенства, помимо уничтожения классов, есть глупейший и вздорный предрассудок.

И вот мы говорим: мы ставим себе целью равенство, как уничтожение классов; тогда надо уничтожить и классоувую разницу между рабочими и крестьянами. Это именно и составляет нашу цель; общество, в кототом осталась классовая разница между рабочим и крестьянином, не есть ни коммунистическое, ни социалистическое общество".

(Стр. 201).

„Рабочий и крестьянин равны, как труженики, но сытый спекулянт хлебом не равен голодному труженику. Только поэтому в нашей конституции написано, что рабочий и крестьянин не равны. Вы говорите, что они должны быть равны. Давайте взвесим, рассчитаем. Возьмите шестьдесят крестьян, десять рабочих. У шестидесяти крестьян есть излишек хлеба, они ходят оборванные, но у них есть хлеб. Возьмем десять рабочих после империалистической войны — они оборваны, измучены, у них нет хлеба, топлива, сырья. Фабрики стоят. Что же — они равны, по-вашему? Шестьдесят крестьян имеют право решать, а десять рабочих должны подчиняться? Великий принцип равенства, единства трудовой демократии и решения большинства? Так нам говорят. Мы отвечаем: „Вы шуты гороховые. Ибо вы прекраснодушными словами заговариваете и заслоняете вопрос о голоде. Мы спрашиваем вас: разоренные рабочие в разоренной стране, где фабрики стоят, имеют ли они право подчиняться решению большинства крестьян, если те не дают хлебных излишков? Имеют ли они право взять эти излишки хлеба, хоть бы даже насилием, если иначе нельзя?"

(Стр. 216).

Руководясь этими основными идеями, Ленин и строил пролетарское государство, оказавшееся таким прочным, что оно в течение семи лет выдерживает тягчайшие испытания, в том числе и такое, как смерть его гениального основателя и руководителя.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1-ое.

Из статьи т. Зиновьева „Наши итоги за 7 лет“ [1].

Ленинский призыв.

Мне кажется, т.т., что теперь всякий видит, что то грандиозное движение, которое получило справедливое название ленинского призыва, представляет собой также известный итог революции и нашей партийной работы, а не случайный эпизод в истории нашей партии. Если представить себе хоть на одну минуту, что наша политика была неверна, что внутрипартийная жизнь у нас была так плоха, как это казалось некоторым т.т. еще совсем недавно, то и тогда ясно станет, что мы не могли бы увидеть того, что мы видим теперь. Вы знаете, что уже сейчас сделали заявок более, чем на 200 тысяч. Мы будем на-днях обсуждать в ЦК вопрос о том, увеличить ли цифру от 100 до 200 тысяч. Как вы знаете, конференцией было намечено принять в партию 100 тысяч. Я не знаю, как решит этот вопрос ЦК, но мое личное мнение — то, что нужно удвоить эту цифру и принять все 200 тысяч, ибо движение все еще продолжается. Нужно, конечно, отцедить плохой элемент, нужно принять все меры предосторожности, не следует слишком гнаться за количеством. Но если будем подходить с достаточно строгой меркой подбора, как мы это делали до сих пор, то, по моему мнению, мы можем без всяких опасений принять и 300 тысяч. Мы уже имеем некоторые материалы—статистические данные, личные впечатления—чтобы судить о том, какой элемент идет к нам. В Ленинграде и в Москве мы устроили два собрания, правда небольших, но на довольно крупных предприятиях, с присутствием новых членов партии,— и покультурнее и посерей. Мы имеем ряд разработанных анкет, отзывы крупных организаций, секре-

[1] Доклад в МК РКП. Напечатано в журнале „Ленинград“, № 22.

тарей. ЦК созывает на-днях совещание крупных организаций нашей партии, специально посвященное вопросам ленинского призыва. Таким образом, уже сейчас можно и должно подвести определенные итоги о том, что за элементы к нам идут. Бросается в глаза, мне кажется, тот факт, что к нам пришли сейчас, во-первых, рабочие и по возрастной линии всех, так сказать, разрядов: мы имеем и молодежь, и стариков. На московском совещании один рабочий с гордостью говорил: „Я — одногодок В. И., мне исполняется на-днях 54 г.“, а затем входит и молодняк — 20-летний, 25-летний, 30-летний. Еще важнее другое обстоятельство, бросающееся в глаза, — это входящие к нам сейчас товарищи, индивидуальности, крупные фигуры в рабочем движении, не простые Иваны и Петры, а кряжистые фигуры, глубоко вросшие в рабочие массы: это те люди в рабочем классе, которые представляют не только самих себя, но по которым равняется масса. На том же московском совещании, представитель одной из фабрик говорил: „У нас в мастерской так говорят, что, если пошел Сидоров, Петров (он назвал фамилии), значит, и другие должны пойти“. Это были опасные люди в трудные моменты, которых называли „бузотеры“, потому что они были протестантами. Если эти люди пришли к нам в результате долгих размышлений, если все большие и малые „бузотеры“, которые нам испортили много крови, устраивая стачки и т. п., пришли к нам добровольно, по своему убеждению, то это свидетельствует о глубоком процессе, происходящем в рабочем классе.

Конечно, врагам нашим не дано понять то, что у нас происходит. Я приведу вам два отзыва, показывающих, как эс-эры и меньшевики оценивают это ленинское движение. Эс-эры дают свою оценку в газете „Дни“, издающейся в Берлине; в этой газете помещена карикатура, на которой положение изображается так: поставлена бочка с самогонкой, рабочие стремятся к этой самогонке, а сзади их подстегивают кнутом. Вот как там понимают наше движение. Меньшевики — народ, настроенный более философски, они привыкли к обобщениям, они почти марксисты, и пытаются дать более глубокое об'яснение. В только что полученном номере „Социалистического Вестника“ есть статья „Троянский конь“ Далина, который написал уже несколько толстых томов о социологии РКП для доказательства того, что внутри ее образовалось несколько партий и что, в конце концов, из чрева ее выйдет несколько партий, которые пожрут друг друга, а в конце концов появится Наполеон, который с небольшим отрядом войдет в Кремль, арестует ЦК и СНК, и все перевернется. Раньше эти же господа писали о перерождении нашей партии вследствие того, что у нас мало рабочих, а теперь пишут опять-таки о перерождении, но уже оттого, что у нас много рабочих. Они дают не лишенную остроумия

схему: в РКП входят люди, которые семь лет почему-то не входили, значит, они не были активны, выжидали чего-то, т.-е. входят элементы, которые не будут иметь пафоса, энтузиазма, ибо в эпоху военного коммунизма они стояли в стороне; таким образом, входят люди, которые ищут теперь определенных благ, которые будут иметь множество мещанских пережитков, и в первый же трудный кризисный момент эта тяжелая пролетарская пехота, эти 200.000 окажутся тем балластом, который утопит РКП. Вот какова схема меньшевиков.

В этой постановке вопроса есть, мне кажется, элемент правды, на который не следует закрывать глаза. Несомненно, что сейчас очень многие из рабочих идут в партию из шкурных соображений. Здесь, на собрании, московские рабочие говорили, что кое-кто идет потому, что боится расчета, но рабочие таких знают, и мы их в партию не берем. В том-то и сила партии, что она отдала этот вопрос на суд масс. Верно и то, что рядом с превосходной молодежью, с рабочими среднего возраста в 30—40 лет, которые исколесили всю Россию, были инициативными людьми в кружках, работали и в коллективах, — рядом с ними входят к нам и другие группы, по инерции. На одном собрании рабочий заявил: „Куда рабочие, туда и я“. Раньше было много разных ораторов: и меньшевики, и эс-эры, и большевики, которые тоже разно говорили; можно было всем поверить, а в результате один туман в голове оставался. По-своему, этот рабочий высказывает большую истину. Слабого, отсталого рабочего можно прочно завоевать только тогда, когда помешаешь меньшевику и эс-эру. А сейчас он идет в партию потому, что все рабочие идут. Я вполне уверен, что некоторая часть идет просто из стадного чувства, но их, как и тех, что идут из шкурных соображений, — незначительное меньшинство в том потоке, который мы имеем. Несомненно, что, если партия должна будет переживать большие трудности хозяйственного или общеполитического порядка, то эти маленькие группы членов партии не сразу займут правильную позицию, особенно если мы не сумеем их вышколить, об'яснить им основы марксизма. Несомненно, они в моменты трудности будут отличаться от старых групп партийных рабочих отсутствием навыка и дисциплины. В этом смысле есть доля правды и в ехидном злопыхательстве меньшевиков, но меньшевикам невдомек, что настроение в слоях рабочих и раньше решало судьбы нашей партии: если рабочие, в большинстве своем, формально и не входили в партию, то без их сочувствия мы все равно не могли бы удержать власть. Нынче меняются только организационные взаимоотношения. Тот же меньшевик Далин пишет: „Они идут в РКП потому, что за эти годы большевистская партия, оставшись единственной партией, перестала быть партией в подлинном смысле этого

слова". По-моему, тут тоже есть зерно истины. Мы перестали быть партией в обычном смысле этого слова. Это верно. Конечно, с того момента, когда мы становимся государственной партией, мы не являемся обычной партией в шаблонном смысле этого слова. Мы принимаем членов в партию или исключаем их из партии при участии целых заводов беспартийных. Разве это может сделать другая партия в мире? Нет, все партии дерутся из-за того, чтобы побольше набрать членов в партию. Мы — единственная партия, которая сама и старается, чтобы у нее было поменьше, но понадежнее. Мы — партия, осуществляющая пролетарскую диктатуру, руководящая государством и имеющая целый ряд сверхкомплектных трудностей, но зато имеющая целый ряд, неизвестных другим коммунистическим партиям мира, привилегий и благоприятных моментов.

Четыре периода.

Мне кажется, т.т., что, оглядываясь теперь назад, на дорогу, пройденную Коминтерном, на кризисы, переживаемые отдельными молодыми компартиями, и на судьбы нашей партии, можно с известным правом сказать, что в жизни каждой коммунистической партии, повидимому, можно различать 4 периода. Первый период — рождение коммунистической партии — это то, что сейчас происходит в громадном большинстве партий, примыкающих к Коминтерну. Они еще только складываются, как коммунистические партии. Они рождаются из соц.-демократических партий по той простой причине, что социал-демократические партии существуют несколько десятилетий. Процесс рождения компартии — сложный, мучительный процесс, который продолжается годами. У нас тоже процесс рождения компартии окончательно завершился еще не так давно. Можно считать историю большевистской партии со второго с'езда, с 1903 г., но окончательное завершение этого процесса, когда мы сложились и наименовались компартией, произошло только в 1918 г. В других партиях, которые не имели таких вождей и учителей, как тов. Ленин, которые не переживали трех революций, это дело происходит еще более мучительно, еще менее организованно.

Итак, первый период — это период, когда рождается в муках коммунистическая партия.

Второй период — это борьба за завоевание влияния на большинство рабочих. Коммунистическая партия уже сложилась, но рядом с ней сильна социал-демократическая партия. Коммунистическая партия начинает борьбу за завоевание большинства. Это, примерно, та линия, которая была намечена на

III Конгрессе Коминтерна устами, главным образом, Владимира Ильича: когда компартия сложилась, борясь за влияние на большинство рабочих.

Третий период — завоевание власти компартией. Завоевав власть, компартия вовсе не завоевывает одновременно и весь рабочий класс. Это мы видим на собственном опыте. Власть мы завоевали и влияние в решающие моменты революции имели на большинство рабочих, но в нашей организации состояло меньшинство рабочих, и в этот переходный период мы часто теряли и влияние на большинство рабочих. Разве во время Кронштадта не было положение такое, что мы были меньшинством в рабочем классе? Было. Стало-быть, если обобщить опыт нашей партии и революции, то можно сказать, что третий период, когда власть уже завоевана, вовсе не знаменует того, что мы большинство рабочих организуем в рядах коммунистической партии. Тут начинается большой переходный период, когда революция борется за существование, и определенные слои рабочих колеблются, то приходя к революции, то отходя, то поддерживая партию, то охладевая, когда наступают трудности, У нас этот период тянется лет 7 и еще затянется года на два-три. Насколько можно предвидеть, к первому десятилетию существования Советской власти мы закончим этот третий период, и только тогда начнется четвертый период, когда понятия рабочего класса и рабочей партии станут синонимами. Это будет одно и то же. Тогда каждый рабочий будет входить в ряды компартии. Такого положения до сих пор не было, и, мне кажется, ленинский призыв и все, что мы переживаем сейчас, потому и ценно, что, если мы не ошибаемся, мы начинаем видеть конец этого третьего переходного периода и начало четвертого периода, когда рабочий класс и рабочая партия будут организационно одним и тем же, когда мы будем организовывать не только авангард, но всю толщу, всю массу рабочих.

К этому мы идем. Мы удалили со своего пути еще одно препятствие, которое заключалось в том, что революция переживала необыкновенные трудности, голодовку, блокаду и требовала жертв от рабочих, и не все рабочие были готовы на эти жертвы. Теперь мы подходим к периоду, когда этого нет, и поэтому уже не будет причин, которые помешали бы рядовым рабочим быть членами компартии. Да и у нас с вами не будет причин бояться принимать в ряды нашей партии даже этого рабочего, не прошедшего еще какой-нибудь серьезной школы. Мы будем иметь большой кадр передовиков, которые поведут середняка за собой, и, таким образом, создастся положение такое, при котором рабочий класс и рабочая партия будут и фактически одно и то же, ибо мы организуем весь рабочий класс в своих рядах. Если сейчас в промышленности занято миллион двести тысяч рабочих, то,

вероятней всего, если дело будет так развиваться, года через три, к первому десятилетию Советской власти, из этого миллиона двухсот тысяч — миллион будет в наших рядах. А если к этому времени рабочих будет два миллиона, то полтора миллиона будет в наших рядах, и только небольшие прослойки будут стоять в стороне.

Дискуссия и ленинский призыв.

Так, мне кажется, нужно подойти к ленинскому призыву, к этому крупнейшему факту во всей истории нашей партии, и мне кажется, что этот же факт подводит итог всем нашим спорам, которые у нас несколько месяцев тому назад волновали всю партию сверху до низу и до сих пор продолжают волновать коммунистические партии всего мира. Теперь к нам приезжают коммунисты всех стран, до которых только теперь докатилась дискуссия, и многие из них думают, что наша партия не справится с этим кризисом. Лучший ответ на эти опасения, лучший итог этой дискуссии — ленинский призыв. Если бы партия наша была так больна, как это хотели представить, если бы она была бюрократической кастой, если бы она была в плену у секретарского бюрократизма, тогда, т.т., то, что происходит сейчас, можно было об'яснить только чудом.

Один рабочий массовик-гужоновец сказал на том собрании, о котором я говорил: „Ваша дискуссия нам не нравилась, нам не нравилось, что вожди друг другу пощечины дают, но эта дискуссия нас растормошила, мы увидели, как партия поступила — она разобрала, что к чему, хорошее в сторонку, а плохое в помойку". Так сказал рабочий беспартийный. Формулировка довольно грубая, но замечательно меткая. Они поняли так, что, в конце концов, хотя подрались, но серьезное, дельное — пожалуйста в сторонку, а плохое — в помойку. А белогвардейская печать и сейчас рассказывает сказки о нашей дискуссии. В „Руле", полученном не далее, как сегодня, в номере от 16 марта сказано:

> „Из Москвы сообщают, что оппозиционное движение в рядах коммунистической партии приобретает угрожающие размеры. По подсчету осведомленных лиц, оппозиция располагает голосами 60 процентов всех членов партии. Весь вопрос в том, будут ли все сторонники оппозиции иметь мужество заявить себя активно. В случае введения демократического управления партией с тайным голосованием (чего до сих пор члены коммунистической партии были лишены), у нынешних руководителей Советской политики не останется и 20 процентов прежних привер-

женцев. Рядовые члены коммунистической партии желают обновления руководительского состава, считая, что нынешние лидеры уже успели отравиться властью и превратились в открытых капиталистов и богачей. Второстепенные деятели коммунистической партии желают получить возможность свободного доступа к руководящим должностям, на которых до сих пор упорно удерживалась каста в 120—150 человек деятелей первого порядка и их друзей. Лозунгом оппозиции является следующее положение: все решения снизу, как воля всей массы партии, но не сверху, в форме диктатуры небольшой группы лиц. Авторитет Ленина был законом, но никто другой, кроме него, такого авторитета не имеет и не будет иметь. Зиновьев заявил, что будет бороться против демократии в партии до последней возможности. Троцкий, учитывая настроение Красной армии, стоит за демократизацию партии при сохранении железной дисциплины и беспрекословного подчинения свободно избранным вождям, надеясь быть избранным в руководители партии".

И они обсуждают подробнейшим образом, что из этого вытекает.

Вы знаете, что Дан, нынешний вождь меньшевистской партии после смерти Мартова, выступил с новой платформой: он предложил бороться за демократическую республику в рамках „честных" Советов и для этого заключать соглашение со всеми честными элементами внутри РКП. В Париже Милюков и его сторонник, бывш. член Государственной Думы Гронский, говорят, что они хотят расширить теперь базу своего демократического об'единения, включая товарища Троцкого. Само собой понятно, что, как только тов. Троцкий прочитает и будет иметь возможность, он, наверное, со свойственным ему умением, даст им такой отпор, что им не поздоровится.

Мне кажется, товарищи, что ленинский призыв — это серьезнейший итог революции. Партия жнет то, что она посеяла в течение нескольких лет. Конечно, было сделано не мало ошибок, глупостей и промахов, особенно с тех пор, как тов. Ленин не мог руководить нашей партией. Но в целом партия посеяла много хорошего, и если урожай оказывается таким обильным, то это об'ясняется тем, что в основном политика партии была правильной, иначе трудно себе представить тот громадный успех, который мы имеем. Конечно, огромную роль сыграла смерть Владимира Ильича, которая рабочих заставила серьезно задуматься. Все поняли, что сейчас решающий момент для партии и для Советской России, лишившихся лучшего общепризнанного вождя, и это ускорило процесс вхождения в партию. Но решение войти в партию 100 тысяч человек приняли еще до смерти Владимира Ильича. Рабочие не связали

бы своей судьбы с судьбой нашей партии только из чувства скорби, чувства преклонения перед Владимиром Ильичем. Для этого рабочие слишком трезвые люди, они преклонили бы головы, пошли бы за гробом Владимира Ильича и воздали бы ему должное, как герою, небывалому еще в человеческой истории, но в партию они не пошли бы, если бы не понимали, что партия стоит на правильной дороге. Рабочий не сантиментален, он не действует по одному лишь движению чувства, и то, что сейчас перед нами, — это глубокое пролетарское движение. Все рабочие передовики и на московском и на питерском совещаниях говорили, что, пока он, такой рабочий, не шел в партию, — не шел, а уж раз пошел, то не сворачивай, иди прямо, и мы знаем, что для громадного большинства рабочих это так и есть. Они честные, прямые, они не выдумщики, не занимаются искусственным построением и фокусами, и в этом смысле движение это вызвано не только настроением и чувствами рабочих, а зрело обдуманно, — это итог революции.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2-ое.

Из статьи т. В. Молотова „Ленин и партия за время революции".

Коммунистическая партия крепка идейным единством и железной дисциплиной.

Задачи обороны страны к началу 1921 года были в основном выполнены. Партия, стоявшая во главе военного союза пролетариата с крестьянством в течение трех лет, должна была поставить в начале 1921 года новые задачи. Истерзанная, измученная, нищая страна требовала живых соков для своего хозяйственного возрождения. Назрела необходимость коренного изменения экономической политики Советской власти.

На место военного союза пролетариата и крестьянства, которым пролетарская революция побеждала за годы гражданской войны, встал вопрос об экономическом соглашении между этими классами. Грозные события в Кронштадте требовали быстрых и решительных шагов в направлении коренной перемены экономической политики нашей партии. Огромное большинство населения страны — крестьянство — выявило явное и бурное недовольство создавшейся для него в последние годы экономической обстановкой. Интересы мелкого товаропроизводителя, крестьянина-собственника, стали в явное противоречие с проводившейся до того времени экономической политикой и прежде всего с отобранием хлебных излишков, т.-е. с продразверсткой.

Тогда тов. Ленин со всей решительностью ставит перед партийным с'ездом вопрос об условиях существования диктатуры пролетариата. Он говорит: этих основных условий всегда два: первое — социалистическая революция в России может победить при условии поддержки ее социальной революцией в одной из крупных передовых стран. Для этого условия, — прибавляет он, — мы очень много сделали по сравнению с преж-

ним, но далеко недостаточно, чтобы это стало действительностью. Другое условие — это соглашение между осуществляющим свою диктатуру пролетариатом и большинством крестьянского населения. Со всей силой тов. Ленин подчеркивает перед с'ездом: „Классов обмануть нельзя". Необходимо коренное изменение экономической политики партии; необходимо экономическое соглашение с крестьянством для поддержки диктатуры пролетариата, т.-е. для того, чтобы продолжать борьбу за освобождение трудящихся, за уничтожение самих классов.

Под гром событий в Кронштадте 10-ый партийный с'езд принимает решение об отмене продразверстки и переходе к продналогу. Этим дается выход и облегчение крестьянству, которое получает свободу распоряжения остающимися после сдачи продналога сельско-хозяйственными продуктами. Таким образом создаются условия для необходимой крестьянину свободы торговли, а вместе с тем и условия для развития капитализма.

Партия пролетарской революции, партия коммунизма сама открывает двери свободе торговли и свободе развития капитализма. В глазах близоруких политиков буржуазии в первый момент уже стало мерещиться начало гибели коммунистической партии и начало крушения советской власти. В некоторых кругах мелкобуржуазных партий меньшевиков и эс-эров вспыхивают надежды на то, что большевики поворачивают к ним и становятся спиной к коммунистической революции. Между тем, партия сама внимательнейшим образом взвешивает значение этих решений и гарантии, необходимые для пролетарской партии, в целях использования этой новой экономической обстановки в своих революционных интересах.

Вместе со своим вождем и под его непосредственным руководством партия решает: необходимо перейти от штурма, который мы вели в течение нескольких лет на буржуазный строй, к длительной осаде, обеспечивающей верную победу социализма. Партия признает правильным указание Ленина на то, что путь на развитие революции по прямой линии на деле для нас неосуществим. Необходимость зигзага в экономической политике, необходимость глубокого революционного обхода партия утверждает без особых колебаний. Нэп признается „всерьез и надолго". Партия принимает это решение единодушно.

Нэп явился величайшим переломом в развитии пролетарской революции. Этот перелом происходил в значительно обострившейся внутренней экономической и политической обстановке. К моменту решения 10-го с'езда партии необходимость изменения экономической политики, необходимость перехода к нэп'у до крайности назрела. Противоречия классов давали себя знать не только в зловещих кронштадтских событиях.

В свою очередь накалившаяся политическая атмосфера в стране не могла не иметь своих отражений внутри нашей партии. Эпоха перехода к нэп'у, этот переломный момент бросает яркий свет на внутреннюю жизнь партии. Обнаруживается, что в партии не все благополучно. В партии определенно обнаружилась разноголосица. Опасность трещины в партийных рядах делалась все очевиднее.

Перед 10-ым партийным с'ездом Ленин помещает статью о кризисе партии и говорит в ней: „Из маленьких расхождений и разногласий выросли большие... Так всегда растут разногласия и „расколы". Так и мы „доросли" от маленьких разногласий до синдикализма, означающего полный разрыв с коммунизмом и неминуемый раскол в партии, если партия не окажется довольно здоровой и сильной, чтобы вылечиться от болезни быстро и радикально. Надо иметь мужество смотреть прямо в лицо горькой истине. Партия больна. Партию треплет лихорадка".

Эти слова появились в „Правде" почти за два месяца до 10-го с'езда. Ко времени 10-го с'езда положение в партии еще ухудшилось.

На самом с'езде партия разрубает политический узел решением о переходе к нэп'у. Единодушным решением с'езда по этому коренному вопросу создается основа для партийного единства. В партии начинается перелом к выздоровлению. Недаром такой исключительной памятью в нашей партии пользуется, именно, 10-ый с'езд нашей партии.

Весной 1921 года партия пристально заглянула в глубины своей жизни и решениями своими глубоко захватила внутрипартийные вопросы. Эти решения дают прежде всего основной ответ на вопрос о том, какою наша партия должна быть в эпоху пролетарской революции, стоя у власти?

Урок кризиса весны 1921 года должен быть памятен нам надолго не только с точки зрения понимания значения революционного союза пролетариата с мелким и мельчайшим крестьянством, но в неменьшей мере и с точки зрения уяснения наших внутрипартийных задач в эпоху пролетарской революции.

Наша партия даже в то время, когда она достигла наибольших размеров (700 тысяч членов с лишним) была только незначительной частью рабочего класса и трудящихся масс. Сам же рабочий класс был и остается только незначительной частью всей трудящейся массы страны. В таких условиях, как показал наш опыт, трудности для революционной коммунистической партии, стоящей у власти, исключительно велики, неизмеримы. Только глубоко верная политическая линия и безусловная сплоченность партийных рядов, при проведении этой линии, могли создать условия необходимого для партии и руководимой ею власти доверия и поддержки масс. Под

гениальным руководством Ильича партия к тому времени, о котором здесь говорится, достигла этой основной цели. Под его руководством она проделала уже в этом величайшую работу и обессмертила себя в истории освободительного движения рабочего класса. Тогда, в момент перелома революции, в момент коренного изменения политики партии и пролетарской власти, в особенности, сказалась в вопросе о внутрипартийных задачах роль несравненного вождя РКП — тов. Ленина. Партия, действительно, получает еще на X своем с'езде один великий ленинский урок политического руководства.

Что же говорят решения X с'езда партии о внутрипартийной жизни?

Перед этим с'ездом и на самом X с'езде подробно обсуждались вопросы о внутрипартийных задачах. В решениях с'езда это нашло свое полное отражение.

В основном решения X с'езда партии дают направление на развертывание внутрипартийной демократии. В этих решениях партия дала историческую оценку предшествующей эпохе в истории партии и указала, от чего, от каких недостатков во внутрипартийной жизни партия должна излечиться в дальнейшей своей работе — в условиях мирной обстановки и начинающегося хозяйственного возрождения. Партия взяла тогда курс на развертывание внутрипартийной жизни, на усиление активности партийных масс, на борьбу с проникновением бюрократизма в партийную работу. Эти задачи партия определила, как задачи на всю ближайшую эпоху мирно-хозяйственного строительства Советской Республики, учитывая взятое партией „всерьез и надолго“ общее направление своей политики.

Действительно широкое развертывание внутрипартийной демократии, однако, не только в первые месяцы, но и в первые годы натыкалось на об'ективные условия в партии, с одной стороны, и суб'ективные недостатки революции — с другой. Об'ективные причины, задерживавшие развертывание внутрипартийной демократии, были еще на самом с'езде учтены в словах т. Ленина. В речи об единстве партии и анархо-синдикалистском уклоне, т. Ленин говорил:

> „Нам необходимы год или два отдыха от голода — не меньше. С точки зрения истории — это ничтожный срок, а в наших условиях — это срок большой. Год или два отдыха от голода, год или два правильного снабжения топливом, чтобы фабрики работали,—и мы получим от рабочего класса в сто раз больше поддержки и из его рядов выдвинется талантов гораздо больше. Никто не сомневается и не может сомневаться в этом... Мы знаем, что нужда отчаянная, что всюду голод и нищета, и сплошь и рядом на этой почве возникает пассивность. Не будем

бояться называть зло и бедствие настоящим именем. Вот что тормозит под'ем энергии из масс".

Тем более поэтому назрел вопрос о развертывании внутрипартийной демократии теперь, когда мы имеем на деле реальность успеха в нашей хозяйственной работе, когда у нас уже началось заметное возрождение промышленности и восстановление пролетариата. Это, именно, те об'ективные условия, которые были нам необходимы и теперь все более создаются (но еще далеко не вполне создались) для развертывания рабочей демократии в партии.

Но, несомненно, не малые препятствия для развертывания внутрипартийной демократии были и в суб'ективных недостатках значительной части членов нашей партии и, в частности, той ее части, которая за прошедшие годы усвоила в большей мере административные привычки, приемы бюрократизма из многочисленнейших советских учреждений, а также приемы работы в Красной армии, конечно, значительно отличные от методов здоровой работы в партийных организациях. Создавшиеся в процессе работы привычки администрирования нередко переносятся, да, к сожалению, иногда и теперь еще переносятся в практику нашей партийной работы. Конечно, необходима систематическая и упорная борьба с этими суб'ективными недостатками, необходимо развивать активность самих партийных масс и втягивание их в обсуждение, решение и в сознательное проведение этих решений. Однако, близорукой, немарксистской была бы такая постановка этих вопросов, какая нередко делалась во время последней дискуссии со стороны некоторых оппозиционеров. Видеть все зло в партийном аппарате, от которого будто бы и зависит проведение или непроведение демократизма в партийной жизни — это значит в сущности неправильно оценивать как об'ективные, так и суб'ективные трудности в проведении внутрипартийной демократии в наших условиях. Бить по аппарату партии, вся задача которого заключается в правильном проведении партийной линии и все значение которого должно быть только подсобным в проведении партийных задач — это значит либо бить мимо цели, не по главному месту, либо это значит, что нападки на аппарат являются только прикрытием враждебного отношения к партийной линии, к партийной политике.

Следует, однако, вернуться к X-му партийному с'езду. Последний не ограничился только намечанием общих путей партийного строительства на дальнейший период. С'езд не мог не дать своей оценки внутрипартийной идейной жизни, вернее — выявившейся перед созывом с'езда идейной разноголосицы.

Как известно, впервые и, к счастью, только раз за время революции представители наших организаций явились на

X-й с'езд в большинстве случаев под углом фракционных выборов и фракционных платформ. Богатство оппозиций и фракций, излишество платформ и уклонов политически опустошали, раздробляли и дезорганизовывали партию. Такое положение грозило полным развалом партии и крахом пролетарской власти. В партию проникли веяния мелкобуржуазной стихии, вскрылись оппортунистические шатания и неустойчивость. Идейные уклоны некоторых оппозиционных групп создавали опасность использования внутрипартийных раздоров враждебными революции силами.

В содрогавшейся политической обстановке буржуазия уже нащупывала для себя переходные лозунги. Анархистско-меньшевистские и эс-эровско-либеральные политики уже подхватили лозунг: советская власть, но советы без коммунистов. Это, именно, лозунг тех выхолощенных „честных советов", о которых, как уже было сказано, заговорил высланный за границу меньшевик Дан в феврале 1924 года.

Цель буржуазной контр-революции была намечена: „хоть какой-нибудь сдвиг в любую сторону, даже налево", только бы поколебать диктатуру пролетариата, вдохновляемую и руководимую нашей партией. Шатания в самой партии могли только укреплять надежды и энергию буржуазной контр-революции. Оппозиции и борьба фракций внутри нашей партии начали ободрять врагов. В самой партии росло сознание величайшей опасности дальнейшего развития внутрипартийных споров. В течение нескольких месяцев перед с'ездом партия развернула широкую дискуссию с выяснением всех внутрипартийных разногласий. Наряду со здоровой критикой вскрылись анархо-синдикалисткие и мелкобуржуазно-оппортунистические уклоны. Оппортунизм, с которым партия большевиков вела такую беспощадную и славную борьбу в течение многих лет, стал поднимать голову внутри партии.

К с'езду уже достаточно определенно выяснилось, что здоровые элементы критики партийной политики и внутрипартийного положения сводились, в основном, к стремлению усилить внутрипартийную демократию и борьбу с демократизмом разных видов. Но этот с'езд дал ясный ответ в своих решениях и указал конкретные пути к достижению этих целей. Тов. Ленин специально подчеркнул в критике оппортунистических уклонов на с'езде, что партия примет всякую помощь в деле борьбы с бюрократизмом и не будет на это смотреть, как на „неприемлемую для себя уступку" кому-то. „Работа помощи в борьбе с бюрократизмом, работа помощи в отстаивании демократизма, помощь в деле большой связи с действительными рабочими массами — безусловно необходимы", — говорил тов. Ленин: — „Итти в этом отношении на уступки мы можем и должны.... Это вовсе не уступка, это помощь рабочей партии".

Но с той же ясностью и определенностью Ленин поставил вопрос о борьбе с влиянием мелкобуржуазной стихии, с ростом оппортунистических веяний внутри партии. Ленин горячо звал: давайте лечить болезнь, скажите, как вы предлагаете ее лечить? Но—решительно добавлял он—„не надо теперь оппозиций, товарищи; я думаю, что партийному с'езду придется этот вывод сделать, придется сделать тот вывод, что для оппозиции теперь конец, крышка. Теперь довольно нам оппозиций". И с'езд единодушно одобряет предложенные тов. Лениным резолюции об анархо-синдикалистском уклоне в нашей партии и об единстве партии. Со всей решительностью в этих резолюциях говорится о том, что...

„Необходимо, чтобы все сознательные рабочие ясно сознали вред и недопустимость какой бы то ни было фракционности, которая неминуемо ведет на деле к ослаблению дружной работы и к усиленным повторным попыткам примазывающихся к правительственной партии врагов ее углублять разделение и использовать его в целях контр-революции".

Эти постановления X-го с'езда, как и постановления о внутрипартийной демократии, имеют полное значение и для настоящего момента. В основном то, что учитывали эти резолюции, должно быть безусловно учтено и в современной обстановке. Преимущество настоящего момента, может быть, заключается в том только, что наша партия за последние годы, по сравнению с тем периодом, значительно окрепла и чувствует больше уверенности в своих силах. Вопреки крикам отдельных панически-настроенных товарищей партия значительно укрепилась и выросла за эти последние годы. Сознание ответственности в партии также поднялось. Помогла партии также и та громадная чистка ее рядов от примазавшихся, чуждых и неустойчивых элементов, которая была проведена осенью 21 года — по инициативе, в первую очередь, того же тов. Ленина.

Но громадным ослаблением партии является теперь уход навеки тов. Ленина, того, кто во все моменты революции и внутрипартийной борьбы был непререкаемым авторитетом для огромного большинства партии. Сознание колоссально возросшей ответственности звания члена партии должно в настоящий момент продиктовать нам то боевое единство на основе заветов Ленина, которое он выковал в течение долгих лет. Это единство партии нужно закрепить беспощадной критикой и политическим уничтожением всяческих идеологических уклонов и шатаний, вносимых в нашу партию мелкобуржуазной бесхарактерностью. Только тогда заветы Ильича по отношению к самой партии будут выполнены нами, когда партия в самом начале, в зародыше, преодолеет возникновение каких бы ни было фракций и попыток к группировкам.

В потоках речей и статей недавнего времени было немало попыток изобразить в самых мрачных красках внутрипартийное положение. Были потуги вскрыть картину якобы оторванности нашей партии от широких рабочих масс. Но едва ли успели умолкнуть эти голоса к тому времени, как исключительно широкой волной, прямо-таки с невиданным порывом широчайшие рабочие массы уж двинулись навстречу партии и широким потоком стали вливаться в ее ряды. В самых разнообразных уголках нашей страны, во всех отраслях труда, на заводах, фабриках, шахтах и рудниках, вопреки черным предсказаниям некоторых из партийных интеллигентов, партия оказалась самым любимым, самым популярным детищем рабочей массы. Настоящий пролетарский „барометр“ дал свое бесспорно ясное показание.

Несомненно, огромным толчком к тяге в партию была кончина Владимира Ильича, встрепенувшая лучшие чувства рабочих. Но и это могло быть только, конечно, при том условии, что рабочие и раньше — до кончины Владимира Ильича — видели в нашей партии своего верного защитника и друга. Смешно вообще думать, что такое отношение к партии могло бы возникнуть так внезапно под влиянием только одной какой-либо причины. Вернее другое: вернее то, что в партии, к сожалению, еще имеются элементы, которые, вопреки их словам, сами оторваны от рабочих масс и на которых больше сказывается влияние мелкобуржуазной стихии, чем влияние революционной рабочей массы.

Возрождение оппортунистических колебаний, известный рост политических шатаний с осени прошлого года ставит перед партией задачу как проверки своего состава и очищения наших советских и вузовских ячеек от чуждых ей, явно поддающихся мелкобуржуазным влияниям элементов, так и необходимость углубления идейно большевистской работы внутри партии. Происходящее теперь обновление партии — орабочение ее — во многом облегчит эту задачу. Партия делается более однородной, более пролетарской по своему составу. Вместе с тем партия укрепит большевистское единство, дисциплину и блестяще испытанный ею ленинский курс политики. Вовлекая новую сотню тысяч членов (а возможно, что и две сотни тысяч новых членов) партии — рабочих от производства — в партийные ряды, на деле и шире развертывая внутрипартийную демократию, на основе которой только и могут быть большевистски воспитаны эти новые пролетарские кадры партии, и ведя усиленную в большевистско-революционном смысле работу идейного воспитания, — партия выполнит важнейшую и основную свою задачу настоящего времени.

(„Молодая Гвардия“, Ленинский №).

ПРИЛОЖЕНИЕ 3-ье.

Из речи т. Каменева на XII с'езде РКП „О налоговой политике в деревне".

Довольно часто можно встретить точку зрения элементарную и примитивную, которая считает, что, раз у нас Советская Республика, то классы уже уничтожены и вопрос о взаимоотношении классов снят с очереди. Эта точка зрения, конечно, неверна, и в основу всякого практического мероприятия, в основу любой меры мы должны, по-моему, положить, казалось бы, очень элементарную и простую истину, высказанную никем иным, как Владимиром Ильичем, которая, однако, представляет ключ к пониманию нашей действительности и политики Советской власти.

В своей предпоследней статье 23 января 1923 г. Владимир Ильич писал: „В нашей Советской Республике социальный строй основан на сотрудничестве двух классов—рабочих и крестьян, к которому теперь допущена на известных условиях и новая буржуазия". Я особенно обращаю внимание, товарищи, на это слово „сотрудничество". Было бы глубочайшей ошибкой думать, что „сотрудничество",—слово, употребленное здесь Владимиром Ильичем,—между рабочими и крестьянами началось только теперь, только с момента нэп'а или хотя бы с 1917 г. Тот не знает истории большевистской партии, кто не отдает себе отчета, что идея сотрудничества между пролетариатом и революционным крестьянством есть основная, конститутивная, начальная идея большевизма.

Владимир Ильич говорит: социальный строй, в котором мы живем, социальный строй, который необходимо удержать, социальный строй, который позволит нам продержаться до нового взрыва революционного движения на Западе и Востоке,—есть сотрудничество рабочих и крестьян.

Формы и содержание этого сотрудничества, политические формы и экономическое содержание его все время в ходе революции меняются. И тактический гений тов. Ленина, который позволил ему придать нашей партии силу, который дал нам возможность держаться все это время и дает нам возможность твердо рассчитывать, что враги не дождутся того момента, когда они могли бы обрадоваться нашей гибели,—этот тактический гений Ленина заключается в том, что он понимал изменение формы и содержания союза рабочих и крестьян, в каждый нужный момент сигнализировал любую опасность, которая шла оттуда, и умел менять и формы и содержание этого сотрудничества. Я, товарищи, не буду пересматривать всей истории изменения взаимоотношений между рабочими и крестьянами и изменений самих форм этого сотрудничества. Я возьму только тот момент, с которого датирует Октябрьская революция.

Это сотрудничество тогда имело форму определенного договора между рабочими и крестьянами, и когда я говорю „договор", то это не нужно понимать в том смысле, как это понимается в буржуазных странах, когда представители различных партий, сидя за столом, создают пункты договора между различными группами. Нет, наш договор создавался в самом развитии революционной жизни. Первый договор, который мы заключили с крестьянством, как партия, был наш закон о земле. И так как теперь эта политика снова подвергается сомнению, так как крестьянство в связи с тяжелым положением, в котором находится наша партия, смотрит и на этот с'езд и на всю нашу партию с одним вопросом: а будет ли продолжена та политика по отношению к крестьянству, представителем которой для всей массы крестьянства являлся тов. Ленин? то, мне кажется, не грех уделить несколько минут на анализ того первого победоносного договора, которому жизнью уже подведена черта, который мы можем проверить по его итогам. Этот первый договор и был закон о земле, заключенный 25 октября 1917 года. Закон о земле был усвоением нашей партией не той программы аграрного переворота, которая была записана в наших книжках и блокнотах, а той аграрной программы революции, которая создана была самим крестьянством в низах. Мы знали ведь, что эта программа не что иное, как социализация земли, с которой мы теоретически в продолжение десятилетий боролись. Почему бы тогда не прийти какому-нибудь критику и не сказать: это что же за уклон такой крестьянский? Как может коммунистическая партия, десятилетиями вырабатывавшая коммунистическую программу по аграрному вопросу, взять программу социализации, сформулированную эс-эрами? Вы знаете, что господин Чернов после того, как он в продолжение нескольких лет пытался с оружием в руках бороться против

нас, — после того, как он, потерпев на этом поле поражение, оказался за границей, — воспользовался любимой им свободой печати буржуазной страны для того, чтобы завопить на весь мир: „Ленин украл у меня программу“. Это его буквальные слова. Не было ли здесь действительно уклона, не сделали ли мы здесь ошибки? Не было ли здесь великого оппортунизма и крестьянофильства?

Посмотрим на итоги и взвесим их. Это уже такая страница нашей истории, которую можно взвесить целиком. За пять лет программа аграрного переворота осуществлена, — осуществлена в неслыханно тяжелых формах Прав был Энгельс, когда он, 30 лет тому назад, споря с нашими народниками, говорил: „Замещение полумиллиона помещиков новым крестьянством неизбежно будет самой жестокой страницей русской истории, наполненной мучительными страданиями“. Вот эти пять лет и были заполнены этим процессом замещения старых дворян-помещиков новым крестьянством. Итоги подведены, и поэтому мы можем оценить, какую роль сыграл здесь этот первый наш уклон. Для того, чтобы оценить это, лучше всего обратиться к врагам. Нам не приличествует хвалить себя, но мы никогда не отказываемся слушать оценку нашего дела со стороны врагов.

Вот статья Бунакова — видного эс-эра, человека, который наполняет буквально все заграничные органы статьями о земле и об аграрной реформе. Мы читаем его статью, которую он, видимо, писал специально для с'езда недели две тому назад в заграничной берлинской газете „Дни“: „Советская власть в вопросах земли обычно действовала оппортунистически. Если в других областях она ломала жизнь в угоду доктрине, в вопросах земли она предпочитала итти за стихией“. Оттого-то крестьяне охотно принимают ту форму владения, которая фактически утвердилась в жизни и возведена в норму принятым ВЦИК земельным кодексом. И вся статья в дальнейшем подтверждает, что то, что мы закрепили в своем земельном кодексе, как итог пятилетней аграрной революции, как величайшее завоевание этой революции, вполне соответствует жизни, отражает действительные стремления крестьянства и, таким образом, укрепляет, как на основном фундаменте, на фундаменте доверия крестьянства, Советскую власть. Еще несколько слов оттуда же: „Не останется ли земельный кодекс мертвым законом?“ — спрашивает Бунаков и говорит: — „В земельном кодексе много недостатков и неясностей“. Это и мы признаем. Конечно, в этом законе много неясностей и недостатков, которые мы будем исправлять. „Но“ — заметьте, пишет эс-эр, наш от'явленный враг, — „в своих основах он (кодекс) разумен, он жизненен, он создан под давлением жизни и оформляет то, что жизнью уже осуществляется“.

Действительно, со сжатыми зубами этот заядлый наш враг должен был написать в контр-революционной газете эти свои слова: „Большевистская власть провела аграрную революцию, закрепила в твердую законодательную форму то, что сделано революцией, оттого крестьяне охотно принимают ту форму владения, которая фактически утвердилась в жизни и возведена в норму земельным кодексом". И дальше: „Не останется ли земельный кодекс мертвым законом? Об этом судить трудно. Но в своих основаниях он разумен и жизненен. В нем не чувствуется духа мертвящей большевистской догматики. Он создан под давлением жизни и оформляет лишь то, что жизнью уже осуществляется".

Какова была наша политика в тот момент? Как оправдывали мы этот компромисс, это принятие социализации, этот „уклон"? Вот что говорит Ленин, и я цитирую это, потому что эти слова представляют ключ ко всей нашей политике в крестьянском вопросе с первых дней Октябрьской революции в дальнейшем. Обосновывая декрет о земле 25 октября 1917 года, Ленин говорит (вы найдете эту речь в XV томе его сочинений):

> „Здесь раздаются голоса, что сам декрет и наказ составлен эс-эрами. Пусть так. Не все ли равно, кем он составлен, но мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы с ними были несогласны. В огне жизни применяя его на практике, проводя его на местах, крестьяне сами поймут, где правда... Жизнь заставит нас — рабочих и крестьян — сблизиться в общем потоке революционного творчества... Мы должны следовать за жизнью, мы должны предоставить полную свободу творчества народным массам".

Это было выражение от имени партии, взявшей в этот час власть, величайшего доверия к революционному творчеству крестьянских масс. Чем ответило на это крестьянство? — Выражением величайшего доверия тому рабочему классу, который в этот момент захватил власть. Вот каков был тот „оппортунизм", о котором говорит Бунаков. Вот то отсутствие „мертвящей схоластики и догматики", о которой он теперь сообразил. Если бы мы проявили те черты, которые хотели бы видеть господа Кизеветтеры, Бунаковы и др., если бы мы проявили „мертвящую схоластику и догматику", — мы не дожили бы до того момента, когда мы с полным удовлетворением можем читать вражескую оценку революционной работы нашей партии.

Таково было, товарищи, политическое и экономическое содержание первого нашего договора.

Наш второй договор — продналог.

Я перехожу теперь ко второму договору, на основании которого мы живем, для того, чтобы его оценить и спросить

с'езд: можем ли мы сделать и должны ли мы сделать следующий шаг? В чем же второй договор между нами и крестьянством? Мы знаем, что этот договор называется продналогом. Он нигде не записан, нет таких юридических актов, под которыми стояли бы подписи, но по существу продналог, пришедший на место продразверстки, есть установление экономических отношений с крестьянством, на которых зиждется диктатура пролетариата в данный момент. Да, товарищи, мы должны отдать себе полной отчет в разрешении загадки экономического основания нашей диктатуры. Конечно, диктатура пролетариата сильна и крепка, когда экономическим фундаментом ее является преобладающая роль крупной машинной индустрии и экономики страны. Но мы никак не можем сказать, что эта крупная машинная индустрия и есть в данный момент экономический базис диктатуры пролетарита. Самое опасное в политике — принимать то, что нам желательно, то, к чему мы стремимся, то, что осуществляться будет завтра, за то, что уже есть. Да, мы посвящаем все силы тому, чтобы создать эту железо-бетонную основу диктатуры пролетариата, в виде крупной машинной индустрии. Сейчас же эта основа— не в диктатуре промышленности, а в союзе пролетариата с крестьянством, в том, что пролетариат руководит крестьянством. Что же такое, с этой точки зрения, второй договор с крестьянством?

Что же такое то, что мы называем нэп — новая экономическая политика? Глубоко ошибочно, т.т., когда думают, что нэп есть соглашение или договор с буржуазией. Когда мы ходим по улицам Москвы или Ленинграда и видим эти шикарные магазины, шикарные кабаки, видим порнографическую литературу и все те отвратительные явления, которые можно наблюдать на улицах больших городов, то, естественно, возникает мысль: вот кому мы сделали уступку!.. Нет, т.т., это не так! Я все это называл уже пеной. Да, все это, — шикарные магазины, кабаки и пр. и пр., — все это только пена на сути дела, которая заключается в том, что нов. экономич. политика есть соглашение не с буржуазией, а с крестьянством. Эта мелкобуржуазная стихия крестьянства, конечно, может в ходе истории породить из себя и крупный капитал, но мы сделали бы глубочайшую политическую ошибку, если бы не умели провести разницы между крестьянством и буржуазией. Новая экономическая политика состоит не в том, чтобы мы усвоили приемы рынка, буржуазное счетоводство и рыночную конкуренцию, а в том, что мы создали этот рынок, в том, что на этом рынке сейчас при всей нашей бедности, при нашей нищете, обращаются сотни миллионов пудов крестьянского хлеба. Вот в чем нэп. Все эти кабаки, магазины, аренда— все это есть только последствие этого основного факта. Мы дали возможность сотням миллионов пудов крестьянского хлеба

вращаться на рынке — вот в чем основа. И, конечно, из этого нужно делать соответствующие выводы. Опасность не от этой цены, не от этих шикарных магазинов, не от того, что идеологи нэп'а, различные профессора, той или другой статьей развращают ту или другую часть населения. Опасность не в этом, — опасность в том, что из мелкобуржуазной крестьянской стихии развиваются и могут развиться просто-буржуазные отношения. На эту опасность, с первого момента заключения нового договора с крестьянством, указывал т. Ленин. И теперь мы должны совершенно ясно глядеть в глаза этой опасности. Эту опасность тов. Ленин подтвердил и в своей последней статье. Немедленно после тех слов, в которых он говорил о сотрудничестве двух классов, он писал: „Если возникнут серьезные классовые разногласия между этими классами (помните, т.т., не закрывайте глаза на то, что особенно подчеркивает тов. Ленин, — могут возникнуть серьезные классовые разногласия), тогда раскол будет неизбежен". „Но", — продолжает тов. Ленин, — „в нашем социальном строе не заложены с необходимостью основания для такого раскола. В последнем счете судьба нашей республики будет зависеть от того — пойдет ли крестьянская масса с рабочим классом, сохраняя верность союзу с ним, или она даст „нэпманам", т.-е. новой буржуазии, раз'единить себя с рабочими, расколоть себя с ними. Чем ясней мы будем видеть перед собою этот двоякий исход, тем скорее мы избегнем опасностей нового капитализма".

Наша партия, как активная сила, должна, следовательно, вмешиваться в выбор этих двух путей, которые возможны, теоретическая возможность которых коренится в экономике, — вмешаться, как активная сила, и направить этот процесс по определенному пути — по пути укрепления союза с крестьянством. И поэтому всякая мера, будет ли это мелкая мера изменения строения волисполкомов или уисполкомов, будет ли это вопрос продналога, будут ли это цифры и ставки этого продналога, его распределение, его формы и т. д., — все эти вопросы мы должны оценивать с точки зрения того, по какому из двух, указанных тов. Лениным, путей эта реформа может толкнуть экономическое развитие России, следовательно — в какой мере она может укрепить основы пролетарской диктатуры в России.

Что было бы, если бы действительно мы пришли к тому выводу, что развивающаяся экономика деревни обращается неизбежно против нас, что растущие элементы мелкой промышленности, кустарничества, ремесленничества неизбежной силой экономической необходимости обращаются против нас и являются нашими социальными врагами?

Я справился в ЦСУ, и мне сказали: в 1920 г. кустарничество деревенское обнимало 800 тысяч человек, а в 1922—23 г.г. — 1 миллион 700 тысяч. Заметьте, это — рост, который выражает

рост рынка, товарных отношений в деревне; если этот рост идет таким гигантским темпом (а он будет итти и дальше, если мы будем богатеть, а крестьянин будет обречен не на усиление бедности, а на увеличение под'ема своего благосостояния), если вся наша страна представит из себя расширяющийся рынок, то этот прогресс — за два года от 800 тыс. достигший 1 милл. 700 тыс. — будет итти еще скорее. Если это был бы рост наших врагов, социальных и экономических, — а вы знаете, что идея и политика приходят после экономики, — если это социально и экономически наш враг, тогда надо сказать, что наше дело более или менее безнадежно. Вл. Ил. совершенно правильно пишет: „есть двоякий путь, но нет в нашем социальном строе оснований для раскола". Действительно, этих оснований для раскола нет. Наш социальный враг—скупщик, ростовщик, тот, который развивающийся крестьянский промысел об'единяет и сплачивает в определенную социальную силу. И тут перед нами встает вопрос, как построить налог таким образом, чтобы ударить не по тому кустарю и ремесленнику, развитие производства которого есть ныне прямой вклад в усиление мощи пролетариата (так складывается диалектика истории), а чтобы этот налог ударил по тому, кто этого поднимающегося кустаря закабаляет, как эксплуататор, с помощью ростовщического или торгового капитала.

Но, если прав Владимир Ильич в том, что нет оснований в нашем социальном строе для раскола и что поэтому эти вырастающие из нынешнего состояния противоречия не направляются острием против диктатуры пролетариата, то одно мы должны помнить постоянно: нет оснований для раскола, но есть основания для неизбежных колебаний мелкобуржуазной массы, которая окружает стальной остов нашего государства—пролетариат. Этого мы не должны забывать. Колебания мелкобуржуазной массы есть ее характерный признак. Мы вступаем в такую полосу, когда эти колебания, повороты к нам и от нас будут определять всю политику и экономику нашей страны. Эта масса, растущее крестьянство, будет пробовать нас, она будет допрашивать нас: кто даст ей кредит, кто даст ей возможность экспорта, кто даст ей хорошую цену за хлеб и дешевый гвоздь? И по ответам на эти вопросы эта колеблющаяся мелкобуржуазная масса будет или примыкать к нам, или отходить. Это маятниковое колебание мы должны предвидеть, если хотим остаться реалистами, если не хотим представить себе исторический путь и союз рабочих и крестьян, как прямой тротуар, по которому мы легонечко под руку с крестьянином пройдем. Это был бы ни на чем не основанный оптимизм. Крестьянская масса в условиях нэп'а неизбежно должна будет проявлять мелкобуржуазные колебания к пролетарской диктатуре и от нее. Эти колебания

продолжатся долго, и в основе их будет лежать и налог, и его форма, и то — сумеем ли мы организовать крестьянский кредит и дать крестьянскому хлебу выход на внешний рынок, и то—обеспечит ли государство такую цену для крестьянского хлеба, при которой крестьянин не будет разоряться, и то — разовьем ли мы промышленность так, чтобы дать крестьянину дешевый гвоздь, дешевый ситец и т. д. В эту щель между основным скелетом нашего пролетарского государства и обволакивающей нас экономически мелкобуржуазной массой направляются все наши враги.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4-ое.

Декрет 2-го С'езда Советов о земле.

1) Помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа.

2) Помещичьи имения, равно как все земли удельные, монастырские, церковные со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями, переходят в распоряжение волостных земельных комитетов, уездных Советов Крестьянских Депутатов, впредь до разрешения Учредительным Собранием вопроса о земле.

3) Какая бы то ни было порча конфискуемого имущества, принадлежащего отныне всему народу, об'является тяжким преступлением, караемым революционным судом. Уездные Советы Крестьянских Депутатов принимают все необходимые меры для соблюдения строжайшего порядка при конфискации помещичьих имений, для определения того, до какого размера участки и какие именно подлежат конфискации, для составления точной описи всего конфискуемого имущества и, для строжайшей революционной охраны всего переходящего к народу хозяйства со всеми постройками, орудиями, скотом, запасами продуктов и проч.

4) Для руководства по осуществлению великих земельных преобразований, впредь до окончательного их решения Учредительным Собранием, должен повсюду служить следующий крестьянский наказ, составленный на основании 242 местных крестьянских наказов редакцией „Известий Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов" и опубликованный в номере 88 этих „Известий" (Петроград, № 88, 19 августа 1917 г.).

5) Земли рядовых крестьян и рядовых казаков не конфискуются.

Крестьянский наказ о земле.

Вопрос о земле, во всем его об'еме, может быть разрешен только всенародным Учредительным Собранием.

Самое справедливое разрешение земельного вопроса должно быть таково:

1) Право частной собственности на землю отменяется навсегда; земля не может быть ни продаваема, ни покупаема, ни сдаваема в аренду либо в залог, ни каким-либо другим способом отчуждаема. Вся земля: государственная, удельная, кабинетская, монастырская, церковная, посессионная, майоратная, частновладельческая, общественная и крестьянская и т. д., отчуждается безвозмездно, обращается во всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней.

За пострадавшими от имущественного переворота признается лишь право на общественную поддержку на время, необходимое для приспособления к новым условиям существования.

2) Все недра земли, руда, нефть, уголь, соль и т. д., а также леса и воды, имеющие общегосударственное значение, переходят в исключительное пользование государства. Все мелкие реки, озера, леса и проч. переходят в пользование общин, при условии заведывания ими местными органами самоуправления.

3) Земельные участки с высоко-культурными хозяйствами: сады, плантации, рассадники, питомники, оранжереи и т. п. не подлежат разделу, а превращаются в показательные и передаются в исключительное пользование государства или общин, в зависимости от размера и значения их.

Усадебная городская и сельская земля, с домашними садами и огородами, остается в пользовании настоящих владельцев, при чем размер самих участков и высота налога за пользование ими определяются законодательным порядком.

4) Конские заводы, казенные и частные племенные скотоводства и птицеводства и проч. конфискуются, обращаются во всенародное достояние и переходят либо в исключительное пользование государства, либо общины, в зависимости от величины и значения их.

Вопрос о выкупе подлежит рассмотрению Учредительного Собрания.

5) Весь хозяйственный инвентарь конфискованных земель, живой и мертвый, переходит в исключительное пользование государства или общины, в зависимости от величины и значения их, без выкупа.

Конфискация инвентаря не касается малоземельных крестьян.

6) Право пользования землею получают все граждане (без различия пола) Российского государства, желающие обра-

батывать ее своим трудом, при помощи своей семьи, или в товариществе, и только до той поры, пока они в силах ее обрабатывать. Наемный труд не допускается.

При случайном бессилии какого-либо члена сельского общества в продолжение не более 2 лет, сельское общество обязуется, до восстановления его трудоспособности, на это время прийти к нему на помощь путем общественной обработки земли.

Земледельцы, вследствие старости или инвалидности утратившие навсегда возможность лично обрабатывать землю, теряют право на пользование ею, но взамен того получают от государства пенсионное обеспечение.

7) Землепользование должно быть уравнительным, т.-е. земля распределяется между трудящимися, смотря по местным условиям, по трудовой или потребительной норме.

Формы пользования землею должны быть совершенно свободны: подворная, хуторская, общинная, артельная, как решено будет в отдельных селениях и поселках.

8) Вся земля, по ее отчуждении, поступает в обще-народный земельный фонд. Распределением ее между трудящимися заведуют местные и центральные самоуправления, начиная от демократически организованных бессословных сельских и городских общин и кончая центральными областными учреждениями.

Земельный фонд подвергается периодическим переделам в зависимости от прироста населения и поднятия производительности и культуры сельского хозяйства.

При изменении границ наделов первоначальное ядро надела дожно остаться неприкосновенным.

Земля выбывающих членов поступает обратно в земельный фонд, при чем преимущественное право на получение участков выбывших членов получают ближайшие родственники их и лица, по указанию выбывших

Вложенная в землю стоимость удобрения и мелиорации (коренные улучшения), поскольку они не использованы, при сдаче надела обратно в земельный фонд должны быть оплачены.

Если в отдельных местностях наличный земельный фонд окажется недостаточным для удовлетворения всего местного населения, то избыток населения подлежит переселению.

Организацию переселения, равно как и расходы по переселению и снабжению инвентарем и проч., должно взять на себя государство.

Переселение производится в следующем порядке: желающие безземельные крестьяне, затем порочные члены общины, дезертиры и проч. и, наконец, по жребию, либо по соглашению.

Все содержащееся в этом наказе, как выражение безусловной воли огромного большинства сознательных крестьян

всей России, об'является временным законом, который впредь до Учредительного Собрания проводится в жизнь по возможности немедленно, а в известных своих частях с той необходимой постепенностью, которая должна определяться уездными Советами Крестьянских Депутатов.

26 октября 1917 года.

Распубликован в № 1-ом Газеты Временного Рабочего и Крестьянского Правительства от 28 октября 1917 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5-ое.

Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

О предоставлении Народному Комиссару Продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими.

Гибельный процесс развала продовольственного дела страны, тяжкое наследие четырехлетней войны, продолжает все более расширяться и обостряться. В то время, как потребляющие губернии голодают, в производящих губерниях в настоящий момент имеются попрежнему большие запасы даже не обмолоченного еще хлеба урожаев 1916 и 1917 годов. Хлеб этот находится в руках деревенских кулаков и богатеев, в руках деревенской буржуазии. Сытая и обеспеченная, скопившая огромные суммы денег, вырученных за годы войны, деревенская буржуазия остается упорно глухой и безучастной к стонам голодающих рабочих и крестьянской бедноты, не вывозит хлеб к ссыпным пунктам в расчете принудить государство к новому и новому повышению хлебных цен и продает в то же время хлеб у себя на месте по баснословным ценам хлебным спекулянтам-мешочникам.

Этому упорству жадных деревенских кулаков-богатеев должен быть положен конец. Продовольственная практика предшествующих лет показала, что срыв твердых цен на хлеб и отказ от хлебной монополии, облегчив возможность пиршества для кучки наших капиталистов, сделал бы хлеб совершенно недоступным для многомиллионной массы трудящихся и подверг бы их неминуемой голодной смерти.

На насилия владельцев хлеба над голодающей беднотой ответом должно быть насилие над буржуазией.

Ни один пуд хлеба не должен оставаться в руках держателей, за исключением количества, необходимого для обсеменения их полей и на продовольствие их семей до нового урожая.

И это необходимо провести в жизнь немедленно, особенно после оккупации Украины германцами, когда мы вынуждены довольствоваться хлебными рессурсами, которых едва лишь хватает для обсеменения и урезанного продовольствия.

Обсудив создавшееся положение и принимая во внимание, что только при строжайшем учете и равномерном распределении всех хлебных запасов Россия выбьется из продовольственного кризиса, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов постановил:

1) Подтверждая незыблемость хлебной монополии и твердых цен, а также необходимость беспощадной борьбы с хлебными спекулянтами-мешочниками, обязать каждого владельца хлеба весь избыток, сверх количества, необходимого для обсеменения полей и личного потребления по установленным нормам до нового урожая, заявить к сдаче в недельный срок после об'явления этого постановления в каждой волости. Порядок этих заявок определяется Народным Комиссариатом Продовольствия через местные продовольственные органы.

2) Призвать всех трудящихся и неимущих крестьян к немедленному об'единению для беспощадной борьбы с кулаками.

3) Об'явить всех, имеющих излишек хлеба и не вывозящих его на ссыпные пункты, а также расточающих хлебные запасы на самогонку,—врагами народа, предавать их революционному суду с тем, чтобы виновные приговаривались к тюремному заключению на срок не менее 10 лет, изгонялись навсегда из общины, все их имущество подвергалось конфискации, а самогонщики, сверх того, присуждались к принудительным общественным работам.

4) В случае обнаружения у кого-либо избытка хлеба, не заявленного к сдаче, согласно пункту 1-му, хлеб отбирается у него бесплатно, а причитающаяся по твердым ценам стоимость незаявленных излишков выплачивается в половинном размере тому лицу, которое укажет на сокрытые излишки, после фактического поступления их на ссыпные пункты, и в половинном размере—сельскому обществу. Заявления о сокрытых излишках делаются местным продовольственным организациям.

Принимая затем во внимание, что борьба с продовольственным кризисом требует применения быстрых и решительных мер, что наиболее плодотворное осуществление этих мер требует, в свою очередь, централизации всех распоряжений продовольственного характера в едином учреждении и что таким учреждением является Народный Комиссариат Продовольствия, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов постановляет для более успешной борьбы с продовольственным кризисом предоставить Народному Комиссару Продовольствия следующие полномочия:

1) Издавать обязательные постановления по продовольственному делу, выходящие за обычные пределы компетенции Народного Комиссариата Продовольствия.

2) Отменять постановления местных продовольственных органов и других организаций и учреждений, противоречащие планам и действиям Народного Комиссара Продовольствия.

3) Требовать от учреждений и организаций всех ведомств безоговорочного и немедленного исполнения распоряжений Народного Комиссара Продовольствия в связи с продовольственным делом.

4) Применять вооруженную силу в случае оказания противодействия отбиранию хлеба или иных продовольственных продуктов.

5) Распускать или реорганизовать продовольственные органы на местах в случае противодействия их распоряжениям Народного Комиссара Продовольствия.

6) Увольнять, смещать, предавать революционному суду, подвергать аресту должностных лиц и служащих всех ведомств и общественных организаций в случае дезорганизующего вмешательства их в распоряжения Народного Комиссара Продовольствия.

7) Передавать настоящие полномочия (кроме права подвергать аресту, пункт 6) другим лицам и учреждениям на местах с одобрения Совета Народных Комиссаров.

8) Все мероприятия Народного Комиссара Продовольствия, связанные по характеру их с ведомствами Путей Сообщения и Высшего Совета Народного Хозяйства, осуществляются по совещании с соответствующими ведомствами.

9) Постановления и распоряжения Народного Комиссара Продовольствия, издаваемые в порядке настоящих полномочий, проверяются коллегией Народного Комиссариата Продовольствия, имеющей право, не приостанавливая исполнения, обжаловать их в Совет Народных Комиссаров.

Настоящий декрет вступает в силу со дня его подписания и вводится в действие по телеграфу.

Подписали: Председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов *Я. Свердлов.* Председатель Совета Народных Комиссаров *В. Ульянов (Ленин).* Секретарь Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета *Аванесов.*

9 мая (26 апреля) 1918 года.

Распубликован в № 94 Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 4 (17) мая 1918 года.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6-ое.

Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов.

Об обложении сельских хозяев натуральным налогом, в виде отчисления части сельско-хозяйственных продуктов.

Об'явленное в основном законе о социализации земли уравнительное распределение ее по потребительской трудовой норме (12-я ст. закона о социализации земли, Собр. Узак. 1918 года, № 25, ст. 346) еще не на всей территории Советской Республики проведено в жизнь. Более состоятельные и богатые крестьяне в таких местах по-старому владеют большими по размерам и лучшими по плодородию участками земли, с которых они получают не только достаточные для безбедного существования средства, но и большие излишки. Кроме того, государство после 4-летней тягчайшей войны ощущает крайнюю нужду в продуктах сельского хозяйства, которая заставляет обложить натуральной повинностью наиболее обеспеченную часть трудового крестьянства. При таких условиях сохранение прежнего способа обложения сельских хозяев в пользу государства денежным налогом, на одинаковых для всех крестьян основаниях, означало бы дальнейшее сохранение за богатыми возможности угнетать малоимущих. Поэтому, стремясь к полному освобождению бедноты от несения податного бремени, путем переложения всей налоговой тяготы на имущественно обеспеченные классы, с тем, чтобы в деревне средние крестьяне облагались лишь умеренным налогом, а на кулаков-богатеев была возложена главная часть государственных сборов, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет постановил:

Обложить сельских хозяев, обладающих излишком продуктов потребления, натуральным налогом в пользу государства, в виде отчисления части продуктов их производства, на следующих основаниях:

1) Натуральный налог, подлежащий внесению плательщиком с продуктов сельского хозяйства, исчисляется с излишка их, по сравнению с потребностями самого хозяина, и определяется по размерам площади посева и по количеству голов скота.

2) Освобождаются от налога хозяева, имеющие на 1 октября такое количество десятин снятого уже в текущем году посева и такое число голов скота, какие дают запасы продуктов, необходимые только для собственного потребления.

3) Размер площади посева и количества голов скота, освобождающие хозяина от обложения в зависимости от количества членов его семьи, а равно налоги с каждого отдельного плательщика, определяются по ставкам, указанным в приложенных к настоящей статье таблицах [1].

4) На местные Советские органы, проводящие в жизнь налог, возлагается привлекать к обложению и тех проживающих в сельских местностях граждан, кои по размерам землепользования или скотовладения, хотя и могли бы быть освобождены от налога, но, по причине своей состоятельности или принадлежности по доходам к кулацко-буржуазному слою населения, будут признаны подлежащими натуральному обложению в целях достижения уравнительности его.

5) Налог вносится самим плательщиком и доставляется за его счет в указываемые Советской властью склады и сроки.

6) Сельские хозяева, сдавшие все излишки своего хлеба после снятия урожая и до об'явления о платеже налога, освобождаются от обязанности внесения налога натурой только тогда, когда докажут, что хлеб сданы ими продовольственным органам. В таком случае им предоставляется уплатить стоимость подлежащего внесению в налог хлеба деньгами по твердым ценам.

7) Определяемая по твердым ценам или устанавливаемая волостными Советскими органами стоимость натурального налога исключается из суммы подлежащего с того же плательщика подоходного налога, исчисляемого на общих основаниях.

8) С введением натурального налога с сельских хозяев отменяется общегосударственный поземельный налог; однако, местные Советы не лишаются права устанавливать сборы с сельских хозяев для нужд местного Советского хозяйства, при условии точного выполнения требования ст. 2-й сего декрета.

9) Правила о введении в действие настоящего декрета, порядок взыскания налога, а равно правила и формы учета поступающих в налог продуктов устанавливаются особой

---

[1] Таблицы напечатаны на стр. 246 и след. Собр. Узак. 1918 г.

инструкцией, утверждаемой Народным Комиссариатом по Финансовым Делам.

Подписали: Председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Крестьянских, Рабочих, Казачьих и Красноармейских Депутатов *Я. Свердлов.*

Председатель Совета Народных Комиссаров *Вл. Ульянов (Ленин).* Секретарь *Енукидзе.*

30 октября 1918 г.

Распубликован в № 248 Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 14 ноября 1918 года.

ПРИЛОЖЕНИЕ 7-ое.

Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета о замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом.

1. Для обеспечения правильного и спокойного ведения хозяйства на основе более свободного распоряжения земледельца продуктами своего труда и своими хозяйственными средствами, для укрепления крестьянского хозяйства и поднятия его производительности, а также в целях точного установления падающих на земледельцев государственных обязательств, разверстка, как способ государственных заготовок продовольствия, сырья и фуража, заменяется натуральным налогом.

2. Этот налог должен быть меньше налагавшегося до сих пор путем разверстки обложения. Сумма налога должна быть исчислена так, чтобы покрыть самые необходимые потребности армии, городских рабочих и неземледельческого населения. Общая сумма налога должна быть постоянно уменьшаема по мере того, как восстановление транспорта и промышленности позволит Советской власти получать продукты сельского хозяйства в обмен на фабрично-заводские и кустарные продукты.

3. Налог взимается в виде процентного или долевого отчисления от произведенных в хозяйстве продуктов, исходя из учета урожая, числа едоков в хозяйстве и наличия скота в нем.

4. Налог должен быть прогрессивным; процент отчисления для хозяйства средняков, маломощных хозяев и для хозяйств городских рабочих должен быть пониженным.

Хозяйства беднейших крестьян могут быть освобождаемы от некоторых, а в исключительных случаях и от всех видов натурального налога.

Старательные хозяева-крестьяне, увеличивающие площади засева в своих хозяйствах, а равно увеличивающие производительность хозяйства в целом, получают льготы по выполнению натурального налога.

5. Закон о налоге должен быть составлен таким образом и опубликован в такой срок, чтобы земледельцы еще до начала весенних полевых работ были возможно более точно осведомлены о размерах падающих на них обязательств.

6. Сдача государству причитающихся по налогу продуктов заканчивается в определенные, точно установленные законом сроки.

7. Ответственность за выполнение налога возлагается на каждого отдельного хозяина, и органам Советской власти поручается налагать взыскания на каждого, кто не выполнит налога.

Круговая ответственность отменяется.

Для контроля за применением и выполнением налога образуются организации местных крестьян по группам плательщиков разных размеров налога.

8. Все запасы продовольствия, сырья и фуража, остающиеся у земледельцев после выполнения ими налога, находятся в полном их распоряжении и могут быть используемы ими для улучшения и укрепления своего хозяйства, для повышения личного потребления и для обмена на продукты фабрично-заводской и кустарной промышленности и сельскохозяйственного производства.

Обмен допускается в пределах местного хозяйственного оборота, как через кооперативные организации, так и на рынках и базарах.

9. Тем земледельцам, которые остающиеся у них после выполнения налога излишки пожелают сдать государству, в обмен на эти добровольно сдаваемые излишки должны быть предоставлены предметы широкого потребления и сельскохозяйственного инвентаря. Для этого создается государственный постоянный запас сельско-хозяйственного инвентаря и предметов широкого потребления, как из продуктов внутреннего производства, так и из продуктов, закупленных за границей. Для последней цели выделяется часть государственного золотого фонда и часть заготовленного сырья.

10. Снабжение беднейшего сельского населения производится в государственном порядке по особым правилам.

11. В развитие настоящего закона, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет предлагает Совету Народных Комиссаров не позднее месячного срока издать соответствующее подробное положение.

Председатель ВЦИК *М. Калинин.*

Секретарь ВЦИК *П. Залуцкий.*

ПРИЛОЖЕНИЕ 8-ое.

Из резолюции XIII с'езда РКП: О работе в деревне.

1. Политика нэп'а в основном оправдала себя целиком и в деревне: производительность сельского хозяйства и благосостояние широких крестьянских масс, хотя и медленно, но непрерывно идет вперед. Результаты, уже достигнутые (расширение посевных площадей, начинающаяся ликвидация дальноземелья и длинноземелья, массовый выход крестьян на участки и отруба, жажда крестьян к улучшению хозяйства, усилившаяся организация крестьянами коллективов, товариществ и артелей), приводят к тому, что начинают подниматься преимущественно средние и зажиточные слои крестьянства. На-ряду с этим растет беднота, — происходит расслоение деревни.

Своеобразие происходящего в деревне расслоения заключается в том, что основным элементом его до настоящего времени является не столько земля, сколько торговля, скот, инвентарь, превращающиеся в орудие накопления и средство эксплуатации маломощных элементов. На-ряду с этим намечается рост артелей, коллективов, товариществ по совместной обработке, коллективной закупке инвентаря, начавшееся распространение применения общественного труда.

Все это находит политическое выражение в усилении активности не только маломощных, но и крепких слоев деревни.

2. При решении вопроса о работе партии в деревне необходимо исходить из основной для целого исторического периода задачи — о с у щ е с т в л е н и я с о ю з а р а б о ч е г о к л а с с а с к р е с т ь я н с т в о м.

Дальнейшее развитие крестьянского хозяйства, борьба с рядом недостатков его, неизбежных при нашей нищете и разоренности, должны происходить на основе дальнейшего развития союза рабочего класса с крестьянством, хозяйственной смычки госпромышленности с сельским хозяйством.

3. В хозяйственном развитии деревни намечаются две линии развития: одна линия развития — капиталистическая, когда на одном полюсе накапливается капитал, на другом — наемный труд, нищета. Другая линия развития — через наиболее понятные, легкие и доступные крестьянству приемы кооперации — к социализму. Наличие Советской власти, отмена частной собственности на землю, сосредоточение кредита в руках рабоче-крестьянского государства, государственное содействие развитию сельского хозяйства облегчают развитие сельского хозяйства именно по второму пути. Основная линия партии в этом вопросе намечена в последней статье Ленина „О кооперации". Ленин развернул в этой статье программу развития кооперирования сельского населения, как основного способа движения к социализму в крестьянской стране:

> „Раз государственная власть в руках рабочего класса, раз этой государственной власти принадлежат все средства производства, у нас действительной задачей осталось только кооперирование населения. В нэп'е мы сделали уступку крестьянству, как торговцу, — уступку принципу частной торговли. Но именно из этого вытекает (вопреки тому, что часто думают) гигантское значение кооперации. В сущности говоря, кооперировать в достаточной степени широко и глубоко русское население при господстве нэп'а есть все, что нам нужно, потому что теперь мы нашли ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов. В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата с многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д., — разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали, как торгашескую, и которую до известной степени имеем право третировать теперь при нэп'е так же, — разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения"...

Нынешнее положение деревни с небывалой очевидностью подчеркивает правильность намеченного тов. Лениным пути и требует сосредоточения основного партийного внимания в первую очередь на кооперировании мелкого производителя, ко-

торое должно сыграть гигантскую роль в деле строительства социализма.

4. Только кооперирование производителей может разрешить двухстороннюю задачу, стоящую перед партией и Советской властью в деревне: продолжать добиваться дальнейшего максимально возможного увеличения продукции сельского хозяйства и в то же время развивать все в большем размере поддержку маломощных элементов деревни в целях поднятия их хозяйства и ограничения эксплуататорских тенденций кулака. То формальное противоречие, которое создается необходимостью одновременно решать обе задачи, разрешается только тем массовым ростом подлинной кооперации, о которой писал тов. Ленин. С этой точки зрения необходимо усиление работы производственной кооперации, улучшение способов ее связи, развитие доступного ей кредита, материальной помощи государства и т. д.

Партия будет содействовать даже самым простейшим формам об'единения как в области закупок предметов городской промышленности, так и в области сбыта продуктов сельского хозяйства, и в особенности в области об'единения тех или иных элементов крестьянского производства. Партия будет поддерживать и такие простейшие формы общественного труда, „труда сообща", как совместная обработка земли или совместный покос, или хотя бы совместное пользование скотом в той или иной полевой работе, совместное использование того или иного предприятия в роде мельницы или маслоделки, помогая агрономическим советом и производственно-хозяйственным кредитом. Действительные массовые успехи в области кооперирования процессов производства при нынешних орудиях труда могут быть достигнуты только с течением ряда лет. Именно поэтому с'езд предостерегает против всякой нерасчетливой спешности, излишней регламентации, всякой погони за формой и за числом, часто могущих задержать действительное кооперирование крестьянства. Мерой действительного успеха в течение ближайших лет будет, главным образом, качественный рост. В эту сторону должна быть направлена работа и основных советских, кооперативных и прочих органов, практически работающих над вопросом кооперирования крестьянства с тем, чтобы, приспособляя работу кооперирования к условиям, характеру и структуре мелкого и мельчайшего хозяйства крестьян и отдельных отраслей (кооперирование льноводов, маслоделов, картофелетерочная, лесная кооперация и т. д.), вести крестьянское хозяйство к действительному распространению кооперативного начала.

Среди мер, проводимых партией в деле закрепления связи между городом и деревней, сельско-хозяйственный кредит должен занять одно из центральных мест.

Широко разветвленная система сельско-хозяйственного кредита, подкрепляемая отпуском средств, идущих от открываемого Центрального Сельско-Хозяйственного банка через общества с.-хоз. кредита, через производственную и кредитную кооперацию, в особенности низовую ее сеть к крестьянским хозяйствам, явится могущественным средством в руках партии для регулирования дела восстановления сельского хозяйства и более четкого оформления своей поддержки бедняцким и середняцким слоям деревни.

С'езд подтверждает постановление пленума ЦК об отпуске средств для Сельско-Хозяйственного банка и считает необходимым выполнение этого постановления в течение ближайших 6-ти месяцев. Одновременно необходимо добиться возможного сокращения процентов, взимаемых с крестьянина за кредит.

Организуемая таким образом система сельско-хозяйственного кредита дает возможность развить инициативу местных партийных и советских организаций и вовлечь в дело строительства советского кредита широчайшие слои крестьянства.

С'езд поручает всем местным партийным органам проявить максимум внимания и руководства по отношению к строящимся организациям сельско-хозяйственного кредита.

5. В связи с происходящим расслоением сельского хозяйства особо важен вопрос о способах обеспечения маломощному слою деревни фактической возможности участвовать в кооперации.

Ряд достижений в области кооперации делается возможным путем дальнейшего развития работы комитетов взаимопомощи и соответствующей увязки их с работой кооперации. Их нынешняя работа в области самопомощи населению, заинтересовывающая в первую очередь маломощного крестьянина и связывающая общими интересами маломощного с середняком, создает базу для дальнейшего развития комитетов взаимопомощи. Несмотря на крупнейшие недостатки в работе комитетов взаимопомощи, несмотря на наличие ряда крестьянкомов, числящихся только на бумаге, что было неизбежно в силу недостаточного внимания партии к их работе, работа их фактически теперь вырастает значительно в ряде мест.

Отнюдь не отбрасывая, а, наоборот, развивая их нынешние функции по индивидуальной помощи и общественной взаимопомощи населению (помощь семьям красноармейцев, инвалидам, погорельцам, жертвам войны, сиротам, общественные запашки, хлебозапасный магазин, поддержка школ, изб-читален, яслей, инвалидная кооперация и т. д.), необходимо в то же время развивать в их работе следующие наметившиеся на местном опыте задачи:

а) Об'единение маломощных в кооперации с целью обслуживания ею маломощных и поднятия их хозяйства; втягивание и облегчение доступа в кооперацию маломощным слоям деревни

(приобретение из общественных средств паев и т. д.); содействие использованию маломощными возможностей, предоставляемых кооперации для поднятия их хозяйств путем указания хозяйств, которым кредит может дать возможность восстановления и развития хозяйства; содействие предоставлению максимально возможных льгот при пользовании услугами кооперации; усиление влияния маломощных в органах кооперации путем выдвижения на ответственные кооперативные посты наиболее деловых и честных маломощных, а также пропаганда среди маломощных роли и значения для них кооперации.

б) Защита и наблюдение за осуществлением предоставляемых законом льгот маломощному крестьянину (налоговых, при отпуске леса, переходе к культурным приемам ведения хозяйства, землеустройства и т. п.).

в) Втягивание маломощных и инициатива организации простейших об'единений вокруг наиболее доступных приемов общественного труда (совместное приобретение и пользование инвентарем, машинами, маслодельные и рыболовные артели, обеспечение преимущественного предоставления кредита машинами, инвентарем, скотом и т. д., коллективное пользование групп маломощных хозяйств и т. п.).

г) Содействие и выдвижение маломощных на общедеревенские советские посты.

На основе этой работы, вырастающей, таким образом, на базе их нынешней собесной работы, комитеты взаимопомощи, собирая маломощных, как основное ядро, вместе с тем включая в свой состав и среднее крестьянство, могут и должны стать организацией, помогающей кооперированию огромного большинства деревни и развитию работы по распространению коллективов.

д) Особо важна, поскольку батрак является в большинстве полукрестьянином, увязка работы Всеработземлеса с организациями взаимопомощи, помощь их организации в целях облегчения и развития союза батрака и маломощного с середняком против растущей кулацкой верхушки.

6. Решение этой задачи требует максимальной гибкости и осторожности. Комитеты взаимопомощи в настоящих условиях должны стать организацией, помогающей хозяйственно подняться маломощным элементам деревни. Осуществление намеченных мероприятий требует серьезной работы партийных органов в направлении уяснения внутри партии роли комитетов и их структуры, усиления партийного влияния в работе комитетов, организованных перевыборов их президиумов, работы по раз'яснению в крестьянстве их целей, структуры и способов их работы. Организация комитетов должна строиться на началах выборности. Должно быть обращено серьезное внимание на необходимость усиления органов собеса.

7. С'езд констатирует, что ряд законов, охраняющих интересы беднейших слоев деревни, не доходит до деревни, в силу недостатков советского аппарата и в силу сравнительной отсталости бедняков деревни. В силу этого партийный с'езд вменяет в обязанность всем партийным и комсомольским организациям в деревне в своей работе и работе советских органов, в первую очередь через комитеты взаимопомощи, добиваться проведения в жизнь определенных законом льгот беднейшим слоям деревни (в области налоговых льгот бедняку, льготного отпуска леса, распределения семенной ссуды, кредита, недопущения наложения налога на землю бедняков, фактически им сданную в аренду, и т. п.).

8. Опыт украинских комнезамов в основном оправдал себя в украинских условиях. Комнезамы из боевой политической организации, осуществлявшей в 1920 и 1921 г.г. власть бедняков в селе, превращаются в организацию типа производственного. Наметившееся содействие комнезамов делу об'единения незаможных крестьян в коллективы должно быть развито всемерно. Основной задачей партии является внимательное выращивание тех зачатков кооперативного артельного хозяйства, которое на Украине имеется, и втягивание в него незаможников и середняков. Успешное развитие этой работы возможно при условии осуществления союза незаможников с середняками, которому должна служить и политическая и хозяйственная работа комнезамов. Центр тяжести государственной помощи незаможному селянству перенести на кредитование всех видов хозяйственных об'единений (кооперирование и коллективизация), поощряя в первую очередь наиболее простые виды хозяйственных об'единений крестьян. Самодеятельное хозяйственное об'единение незаможников, хотя бы в самых простейших формах, должно стать основной хозяйственной работой комнезамов.

9. С'езд констатирует необходимость всемерного развития землеустроительных работ. При сохраняющихся еще чересполосице, дально- и длинноземелье невозможны действительный под'ем крестьянского хозяйства и дальнейшее развитие его производительных сил. Необходимо развитие помощи беднейшему крестьянству с тем, чтобы обеспечить ему возможность воспользоваться землеустройством для улучшения своего хозяйства. В целях достижения действительных успехов в возможно кратчайший срок, необходимы усиление и освежение существующего землеустроительного персонала, повышение квалификации землеустроителей, постепенное изменение системы их оплаты, вовлечение их в культурно-общественную работу в деревне, на-ряду с подбором и созданием кадра землеустроителей—коммунистов и комсомольцев, которые смогут внести в это дело ряд необходимых приемов культурно-общественной работы.

10. Работа Всеработземлеса в течение последнего года дала ряд достижений, в частности, на Украине, Юго-Востоке, в Поволжье, Киргизии и ряде других районов.

Необходимо дальнейшее развитие, усиление и содействие работе Всеработземлеса, согласно резолюции XII с'езда.

Но при этом необходимо учесть, на основании уже проделанной предварительной работы, что распыленность батрачества на селе, оторванность от культурных центров и путей сообщения, трудность подхода к батраку, ряд наметившихся вредных уклонов в способах защиты интересов батрачества требуют для своего преодоления достаточно умелого и значительного кадра платных работников — организаторов батрачества и большой подготовительной тщательной работы по учету и постепенному охвату батраков и батрачек союзом путем труддоговоров, создания в деревнях батрацких проф. ячеек, расширения сельско-хозяйственной инспекции труда, широкой просветительной работы и втягивания их в общественную жизнь.

В связи с этим настоятельно необходимо практическое разрешение партией вопроса о скорейшей помощи силами и средствами Всеработземлесу для укрепления его работы как среди об'единяемых им сельско-хозяйственных и лесных рабочих (совхозы, опытные станции, конские заводы и лесничества), так и батрачества, а также и среди столь важных для восстановления крестьянского хозяйства деревенских специалистов (агрономов, землемеров, мелиораторов и лесоводов).

С'езд поручает коммунистической фракции ВЦСПС оказывать Всеработземлесу и его органам всемерное содействие. Одновременно необходимо развитие работы в деревне всех союзов, члены которых связаны с деревней. С целью осуществления руководства и развития этой работы, с'езд поручает фракции ВЦСПС организовать при ВЦСПС широкую комиссию, поставив во главе ее одного из авторитетнейших товарищей.

ПРИЛОЖЕНИЕ 9-ое.

Указатель литературы для докладчиков к семилетию Октябрьской революции.

1. ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ:	
2. СТРОИТЕЛЬСТВО КРАСН. АРМИИ:	Статья тов. Антонова-Овсеенко в сборнике ЦК — „За 5 лет“. Троцкий: „Как вооружалась революция“ (сборник речей, приказов и статей, с приложением карт и схем военных действий).
3. КОНТР-РЕВОЛЮЦИЯ, ЕЕ РАЗЛОЖЕНИЕ И БОРЬБА С НЕЙ:	
а) О меньшевиках:	Ст. Вардина в сборнике „За 5 лет“.
б) Об эс-эрах:	Луначарский: „Бывшие люди“. Протоколы процесса Ц. К. П. С.-Р. Семенов: „Боевая работа П. С.-Р.“.
в) Связь контр-революции с иностранным капиталом:	Процесс Савинкова.
г) Колчаковщина и „демократическая контр-революция“ на Волге:	Святицкий: „Съезд членов Учр. Собрания“. Майский: „Демократичеекая контр-революция“ (в Кр. Нови за 1923 г. и отдельно).
д) Южная контр-революция:	Шульгин: „1920 год“. Гуль: „Ледяной поход“.
е) Борьба с контр-революцией:	Лацис: „Два года борьбы на внутреннем фронте“. Сосновский: „Дела и люди“, „Рассея“. Статья о Ч.К.

4. ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ СОВ. УЧРЕЖДЕНИЙ:	Соленик: „Советское строительство“.
5. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО:	Статьи Месяцева, Богданова, Преображенского в сборнике ЦК „За 5 лет“ и речи Каменева, Зиновьева, Троцкого на XII и XIII с'ездах РКП.
6. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА:	Статья К. Радека в сборнике „За 5 лет“ и доклады ЦК XII и XIII с'ездам РКП.
7. ИСТОРИЯ ПАРТИИ ЗА 7 ЛЕТ:	Юдин: „История РКП“. В. Молотов: Ленин и партия за время революции“. Е. Ярославский: „Жизнь и работа Ленина. Отчеты ЦК с'ездам РКП от VII по XIII.
8. О СОЮЗЕ РАБОЧЕГО КЛАССА И КРЕСТЬЯНСТВА:	Сталин. „О Ленине и ленинизме“. Соотв. главы. Н. Н. Попов и Я. А. Яковлев: „Жизнь Ленина и ленинизм“, глава „Пролетариат и крестьянство“. Речь Каменева о налоговой политике на XII с'езде РКП. Канатчиков: „Рабочая партия и крестьянство“.
9. ЛЕНИН ОБ ОСНОВНЫХ ВОПРОСАХ ПОЛИТИКИ ЗА 7 ЛЕТ:	„Удержат ли большевики государственную власть“ (т. XIV, ч. II). „Государство и революция“ (т. XIV, ч. II). „Ренегат Каутский“ (т. XV). Речи на с'ездах РКП (VII, VIII, IX, X, XI). „О левом ребячестве и мелкобуржуазности“ (т. XV). „Успехи и трудности сов. власти“ (т. XVI). „Об обмане народа лозунгами свободы и равенства“ (т. XVI). „О голоде“ (т. XV). „Ценные признания Питирима Сорокина“ (т. XVI). „Речь на VIII с'езде Советов“ (т. XVII).

„Кризис партии“ (т. XVIII, ч. I).
„Речь на Московской Губ. Парт. Конференции“ 1921 г. (т. XVIII, ч. I).
„Четырехлетняя годовщина Октябрьской революции“ (т. XVIII, ч. I).
„О значении золота прежде и теперь“ (т. XVIII, ч. I).
„О продналоге“ (т. XVIII, ч. I).
„Лучше меньше, да лучше“.
„О кооперации“.
„О Рабкрине“.

Оглавление.

стр.

Предисловие 3

Хроника важнейших событий за 7 лет 5

Ленин и строительство пролет. государства 33

Приложения.

1. Из ст. т. Зиновьева: „Наши итоги за 7 лет“. 59
2. Из. ст. т. Молотова „Ленин и партия“. 67
3. Из речи т. Каменева на XII с'езде РКП о политике в деревне 75
4. Декрет о земле 83
5. Декрет о борьбе с деревенской буржуазией 87
6. Декрет 1918 г. о натуральном налоге 90
7. Постановление о замене разверстки налогом 93
8. Из резолюции XIII с'езда РКП о работе в деревне 95
9. Указатель литературы 102

Цена 40 коп.

9330

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:

Ленинград: просп. 25 Октября, 52, магазин „Книжные Новинки". Телеф. 5-45-77

Москва: Московское отд. издат. „ПРИБОЙ", Петровские линии, под'езд № 1. Телеф. 2-24-09